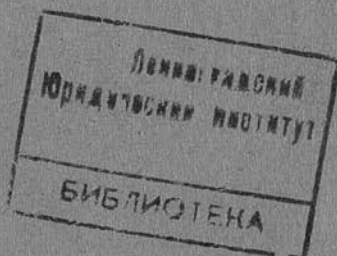

М. А. ГЕЛЬФЕР

ВОПРОСЫ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ
УГОЛОВНОГО ПРАВА В ПРАКТИКЕ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

152844-сун
(Преступления должностные, посягающие на трудовую дисциплину, хозяйственные преступления)

Под редакцией и с предисловием
проф. М. М. Исаева

УТВЕРЖДЕНО ДИРЕКЦИЕЙ ВЮЗИ

Москва — 1948 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
I. Предисловие	3
II. Дела о должностных преступлениях в практике Верховного Суда СССР	8
§ 1. Субъект должностного преступления	9
§ 2. Некоторые вопросы, относящиеся к объективной стороне злоупотребления служебным положением	16
§ 3. Квалификация преступлений по совокупности	19
§ 4. Корыстные должностные злоупотребления	23
§ 5. Недостатки в судебной практике по делам о должностной халатности	28
§ 6. Некоторые вопросы, связанные с понятием взяточничества	32
III. Преступления, посягающие на трудовую дисциплину в практике Верховного Суда СССР	35
§ 1. Понятие и юридический анализ уголовно-наказуемого про- гула (ч. 2 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г.)	35
§ 2. Понятие и юридический анализ самовольного оставления работы (ч. 1 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г.)	44
IV. Хозяйственные преступления в практике Верховного суда СССР	50
§ 1. Спекуляция	50
§ 2. Обмеривание и обвешивание	57
§ 3. Выпуск недоброкачественной продукции	60

Редактор Г. И. Едвабный.

Л-77587 Сдано в наб. 25/III-48 г. Подп. к печ. 31/V-48 г.
Знак. в п. л. 42 тыс. Бум. 62×84¹/₁₆ Печ л. 4 Тираж 3000 Зак. 660.

Типография ЦО МВС СССР «Красная звезда», ул. Чехова, 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учебник по уголовному праву — часть Особенная — был издан в 1943 г.¹ В области уголовного права за это время был издан ряд исторически важных законодательных актов, как Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни», Указы от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», Указ от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» и др. За эти годы Верховным судом СССР была проделана огромная работа, получившая свое отражение в постановлениях его Пленума и в определениях его коллегий.

В то время как в очных юридических вузах студенты знакомятся с текущим уголовным законодательством и с текущей судебной практикой на лекциях, практических занятиях, семинарах повышенного типа, студент-заочник почти лишен этих возможностей. Кафедра уголовного права ВЮЗИ поставила поэтому в качестве одной из своих задач снабжение студентов-заочников пособиями, которые помогли бы им знакомиться с новейшим уголовным законодательством и с новейшей практикой Верховного суда СССР. Кафедрой уже выпущен комментарий к Указам от 4 июня 1947 г. Настоящее пособие имеет в виду ознакомить студентов-заочников по ряду разделов Особенной части с новейшей практикой Верховного суда СССР.

Пособие служит дополнением учебника по Особенной части. Перед тем как обратиться к пособию, студент должен внимательно перечитать соответствующие параграфы учебника. Так, перед изучением раздела пособия «Дела о должностных преступлениях в практике Верховного суда СССР» студент должен изучить следующие параграфы учебника: § 109 — Понятие «должностное преступление» в социалистическом уголовном праве, § 110 — Понятие «должностное лицо», § 112 — Злоупотребление властью или служебным положением, § 112 — Взятничество.

¹ Уголовное право, Особенная часть, Всесоюзный институт юридических наук (ВИЮН), изд. 3-е, 1943.

Изучая § 110, студент увидит, что в нем приводится лишь одно постановление Пленума Верховного суда СССР от 27 марта 1935 г. Когда студент обратится к пособию, то он познакомится с рядом постановлений Пленума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР, в которых на конкретных делах раскрывается понятие «должностное лицо».

В § 2 раздела пособия «О судебной практике по делам о должностных преступлениях» приводится определение Судебной коллегии по уголовным делам по делу Драчевой (1944 г.). Это определение по-новому освещает понятие «действие по службе». Верховный суд в качестве такого действия по службе усмотрел использование должностным лицом своего должностного положения для влияния на выполнение другим должностным лицом незаконных действий. В учебнике такого рода вопрос не ставился ни при анализе злоупотребления служебным положением (стр. 274), ни при анализе взяточничества (стр. 288).

Советская юстиция совершенно правильно распространила понятие злоупотребления властью или служебным положением и на такого рода действия.

Чрезвычайно большое значение для практики имеет вопрос о квалификации должностных преступлений «по совокупности». Эти вопросы в учебнике обойдены молчанием. Автор настоящего пособия правильно поступил, пополнив этот пробел. Следует обратить внимание на руководящее постановление Пленума Верховного суда СССР от 20 сентября 1946 г., указывающее на необходимость квалифицировать действия должностных лиц, виновных в заведомой продаже спекулянтам товаров для спекуляции, по совокупности как злоупотребление служебным положением и соучастие в спекуляции, и на постановление Пленума от 29 ноября 1946 г., которым принцип совокупности подтверждается в отношении такого должностного преступления как взяточничество.

С другой стороны, чрезвычайно важным является постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Ч. от 7 июня 1946 г. В этом постановлении высказан взгляд, что применение должностным лицом с использованием служебного положения насилия над личностью, хотя бы выразившееся и в убийстве должностным лицом, является не идеальной совокупностью преступлений, а единым преступлением — квалифицированным превышением власти, предусмотренным ст. 110 ч. 2 УК РСФСР.

Приведенное в пособии постановление по делу Ч. не только иллюстрирует высказанное в учебнике положение («понятие насилия покрывает всякие насильственные действия, начиная от нанесения удара и кончая лишением жизни потерпевшего» — стр. 279), но и проводит различие между

единым преступлением и идеальной совокупностью преступлений.

В § 4 раздела о должностных преступлениях проводится мысль о необходимости квалифицировать все случаи корыстного злоупотребления властью, направленные к незаконному обогащению виновных за счет социалистического имущества, по соответствующим статьям Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Обратившись к § 114 учебника (бездействие власти и халатное отношение к службе), заочник убедится, что в нем приведено лишь одно определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 19 декабря 1936 г. Пособие приводит ряд иллюстраций из практики Верховного суда СССР за последние годы, что, несомненно, поможет заочнику лучше усвоить практически важную ст. 111 УК РСФСР. В § 118 учебника, трактующем о взяточничестве, нет ни одного примера из судебной практики. Пособие приводит ряд случаев из практики, между прочим и руководящее постановление Пленума от 29 ноября 1946 г., в котором решается вопрос о возможном субъекте взяточничества. Вопрос о корыстном использовании своего влияния должностным лицом рассмотрен при анализе объективной стороны злоупотребления властью, и заочник, изучая § 6 раздела о должностных преступлениях, должен вернуться к § 2 этого раздела.

Перед изучением раздела II пособия — о преступлениях, посягающих на трудовую дисциплину, в практике Верховного суда СССР — необходимо обратиться к §§ 126, 127, 129 и 130 учебника. Автор пособия собрал богатый иллюстративный материал, помогающий заочнику усвоить как объективную, так и субъективную сторону преступлений, предусмотренных Указом от 26 июня 1940 г., причем приводится судебная практика последних лет.

Раздел III пособия, посвященный судебной практике по таким хозяйственным преступлениям, как спекуляция, обмеривание и обвешивание и выпуск недоброкачественной продукции, требует предварительного изучения §§ 153, 154, 155 и 146 учебника.

Пособие знакомит с последним по времени руководящим постановлением Пленума Верховного суда СССР «О судебной практике по делам о спекуляции» от 20 сентября 1946 г., а также с рядом определений Судебной коллегии по уголовным делам и постановлений Пленума Верховного суда СССР по конкретным делам. Постановление Пленума от 12 января 1945 г. по делу Славко и Степанова является, например, весьма развернутым постановлением. В учебнике

раздел о спекуляции совсем не иллюстрируется судебной практикой. Анализ этой практики, даваемый в пособии, несомненно, поможет заочнику лучше усвоить природу такого преступления как спекуляция.

В § 2 раздела о хозяйственных преступлениях (обмеривание и обвешивание) поднимается спорный вопрос о составе ст. 128 «в» УК РСФСР. Требуется ли для состава этого преступления корыстная заинтересованность виновного или нет? Автор пособия приводит два взаимно противоречивых определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР: одно — по делу Григорьева (1944 г.), другое — по делу Р. (1946 г.). В первом Верховный суд высказался за необходимость корысти как элемента преступления, во втором за то, что наличие или отсутствие корыстного мотива может быть учтено при определении меры наказания, но не влияет на квалификацию преступления.

Автор пособия приводит взгляды советских юристов по этому вопросу. Сам автор считает, что состав преступления, предусмотренной ст. 128 «в» УК РСФСР, не требует корысти со стороны виновного.

Таким образом в данном случае мы имеем два противоположных решения вопроса Верховным судом. Следует иметь в виду, что только руководящие указания Пленума Верховного суда СССР имеют обязательную силу для всех судов. Постановления Пленума по конкретным делам и определения коллегий Верховного суда СССР **обязательной силы** (за исключением дела, по которому они вынесены) не имеют. За ними «власть авторитета, но не авторитет власти». Поскольку далеко не все постановления Пленума по конкретным делам и тем более определения коллегий Верховного суда СССР опубликовываются, публикация их предполагает известный отбор. Публикуются более развернутые постановления и определения, представляющие известный теоретический и практический интерес. Пленум Верховного суда СССР и его коллегии не связаны своими предыдущими постановлениями и определениями (хотя по ряду вопросов можно установить определенную устойчивую практику) и они могут отступать от них, что мы и видим в практике по ст. 128 «в» УК РСФСР. Не исключено, что в дальнейшем для установления единообразия в практике Пленумом будет дано руководящее указание в отношении ст. 128 «в» УК РСФСР.

Последний параграф раздела о хозяйственных преступлениях знакомит с практикой по делам по Указу от 10 июля 1940 г.

Изучивший настоящее пособие студент сможет в дальнейшем сам следить за судебной практикой Верховного суда СССР, поскольку она публикуется в специальных выпусках.

и в журнале «Социалистическая законность». Необходимо, чтобы, знакомясь с этой практикой, заочник обращался бы к учебнику, отмечая, чем дополняет то или другое постановление или определение положения, формулированные учебником.

Изучая пособие, заочник не может не обратить внимание и на то, что в одном постановлении или определении в ряде случаев находят свое разрешение вопросы, затрагивающие не один, а несколько составов. Так, например, руководящее постановление Верховного суда СССР о спекуляции от 20 сентября 1946 г. имеет непосредственное отношение и к должностным преступлениям. Заочник лучше использует пособие, если он сам установит такого рода случаи по всей судебной практике, приведенной в пособии.

Заочник должен также обратить внимание и на то, что постановления или определения, имеющие в виду вопросы Особенной части, нередко разрешают вопросы и Общей части. Так, в постановлении по делу Чичилина, помимо анализа ст. 110, ч. 2. УК РСФСР, затрагивается вопрос и об идеальной совокупности. Было бы в высшей степени полезно, если бы заочник по приведенной в пособии практике установил самостоятельно и другие вопросы, относящиеся к Общей части. Само собой разумеется, что необходимо освежить свои знания по Общей части, обратившись по соответствующим вопросам к учебнику по Общей части уголовного права.

Литературные указания, которыми автор снабдил пособие, помогут заочникам более углубленно проработать отдельные разделы пособия.

Проф. М. Исаев.

1. ДЕЛА О ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР ¹

Изучая постановления Пленума и определения Коллегии Верховного суда СССР, опубликованные в сборниках и выпусках судебной практики и посвященные вопросам Особенной части уголовного права, приходится отметить, что значительное место в них отводится вопросам, связанным с рассмотрением дел о должностных преступлениях.

Это объясняется прежде всего опасностью этих преступлений, посягающих на правильную деятельность советского государственного аппарата.

«Государственный аппарат, — говорит тов. Маленков, — в годы войны проделал огромную работу по организации выполнения директив партии и правительства. Сказались результаты длительной работы партии по созданию гибкого и четкого государственного аппарата, по выращиванию кадров государственных работников, преданных делу партии и обладающих необходимыми знаниями и организаторскими способностями» ².

¹ За последнее время заметно усилилось внимание криминалистов к изучению судебной практики, имеющей большое значение как для развития науки уголовного права, так и для дальнейшего улучшения работы судебных органов.

Укажем на опубликованные за последнее время работы, посвященные изучению судебной практики: проф. М. Исаев и проф. Б. Утевский, Материалы по Особенной части уголовного права, М., 1943; проф. М. Чельцов, Вопросы права в судебной практике, журнал «Социалистическая законность», № 2, 1944, стр. 5; Г. Смолицкий, Практика Верховного суда СССР по делам о служебных злоупотреблениях, журнал «Социалистическая законность», № 6, 1946, стр. 5; Он же, Должностные преступления, М., Юриздат, 1947; проф. Н. Дурманов, Вопросы соучастия в судебной практике Верховного суда СССР, журнал «Социалистическая законность», № 8, 1947, стр. 15; проф. М. Шаргородский, Вопросы общей части уголовного права в практике Верховного суда СССР, журнал «Социалистическая законность», № 9, 1947, стр. 10; проф. Исаев и проф. Пионтковский, Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного суда СССР, изд. ВЮА, М., 1947.

² Г. Маленков, Информационный доклад о деятельности ЦК ВКП(б), газета «Правда», № 328, от 9 декабря 1947 г.

«В настоящее время, — как указывает далее тов. Маленков, — в работе государственных органов выдвигаются на первый план хозяйственно-организационная и культурно-воспитательная работа, укрепление советской законности, борьба против частно-собственнических пережитков, борьба за дальнейшее укрепление социалистической собственности и повышение государственной дисциплины во всех областях нашей деятельности»¹.

Исключительно большую роль играет советский государственный аппарат в решении новых великих задач, вставших перед советским народом при переходе от войны к миру, в решении «коренной задачи по подъему народного хозяйства, чтобы в несколько лет значительно превзойти довоенный уровень хозяйственного развития страны и обеспечить значительное повышение жизненного уровня всего населения»².

Вот почему одной из важнейших задач суда является борьба за укрепление государственной дисциплины, борьба с теми должностными лицами, которые нарушают свой служебный долг и используют свои высокие права и полномочия во вред интересам Советского государства.

Это объясняется также сложностью рассмотрения этой категории дел, особенностями субъекта должностного преступления, самого понятия должностного преступления, особенностями общих и специальных видов должностных преступлений.

§ 1. Субъект должностного преступления

Наряду с общеуголовными преступлениями, субъектом которых может быть всякое вменяемое физическое лицо, достигшее определенного возраста, советский законодатель выделяет особую группу преступлений — должностные преступления, которые могут быть совершены лишь должностными лицами (соучастниками могут быть и недолжностные лица).

Исходя из примечания 1 к ст. 109 УК РСФСР, можно установить, что должностными лицами являются лица, занимающие в государственном или общественном учреждении, предприятии, организации или объединении должности (постоянные или временные, по выбору или по назначению, за плату или безвозмездно) и выполняющие административно-хозяйственные, оперативно-распорядительные или иные должностные обязанности.

¹ Информационное совещание представителей некоторых компартий. Госполитиздат, М. 1948 г., стр. 142.

² В. Молотов, 28-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Госполитиздат, 1945, стр. 27.

Авторы учебника Особенной части уголовного права для юридических институтов и факультетов (изд. 1943 г., стр. 267—268), комментируя примечание 1 к статье 109 УК РСФСР, указывают, что в соответствии с этим примечанием следует признать в качестве должностных лиц всех лиц, занимающих должность в государственном учреждении или предприятии, что закон не проводит различия между отдельными категориями служащих. «Лицо, состоящее директором треста, — указывается в учебнике, — и лицо, состоящее в нем счетоводом, одинаково занимают должность, они, следовательно, одинаково являются должностными лицами» (там же).

Примерно такое же объяснение понятия должностного лица дают авторы Комментария УК РСФСР¹.

Авторы учебника для юридических школ² пытаются уточнить понятие должностного лица. Авторы совершенно правильно указывают, что рабочие на предприятии или рядовые колхозники не являются должностными лицами и не могут, следовательно, быть субъектами должностных преступлений.

Далее указывается, что при разрешении возникающих на практике спорных вопросов об отнесении тех или иных лиц, работающих в государственных учреждениях и на предприятиях, к категории должностных лиц следует исходить из того, какими правами или функциями наделены эти лица.

«Если служащий, — указывается в учебнике, — обладает такими правами или функциями, что при использовании их может причинить существенный вред работе государственного учреждения, то такой служащий может быть отнесен к категории должностных лиц» (там же, стр. 239).

Нам представляется такое определение крайне неудачным.

Искать отличительные признаки должностного лица в наличии у него таких прав или функций, при использовании которых он может причинить существенный вред государственному учреждению, будет неправильным.

Нам кажется, что наиболее правильным является определение должностного лица, которое дается в работе тов. Смолицкого «Должностные преступления»³.

Тов. Смолицкий определяет понятие должностного лица следующим образом:

¹ А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская, Уголовный кодекс РСФСР, Комментарий, изд. 2-е, 1946, стр. 143—144.

² Уголовное право, учебник для юридических школ, изд. 2-е, 1947, стр. 239 (автором этой главы является проф. В. Меньшагин).

³ Г. Смолицкий, Должностные преступления, Юриздат, М., 1947, изд. 2-е, стр. 5.

«Должностным лицом является лицо, состоящее на службе постоянно или временно, по назначению или по выборам, за плату или бесплатно в государственном или общественном предприятии или организации и выполняющее по своей работе административные, организационные, хозяйственные или иные служебные обязанности».

Это определение согласуется и с практикой Верховного суда СССР.

Понятие «должностное лицо» и отграничение его от недолжностного лица (рабочего, колхозника, технического работника) имеет большое принципиальное значение.

Одно и то же преступление, но совершенное должностным лицом (например, подлог), получает совершенно иную окраску, другую юридическую квалификацию и влечет для должностного лица большую уголовную ответственность. Более того, имеется ряд действий, когда за их совершение недолжностным лицом и должностным лицом могут наступить различные юридические последствия. Например, за действия недолжностного лица — дисциплинарная ответственность, за те же действия должностного лица — уголовная ответственность (см. ниже решения Верховного суда СССР по делам Воронцова, Журавлева и др.).

Этим объясняется то большое внимание, которое уделяется в постановлениях Пленума и решениях Коллегии Верховного суда СССР вопросам, связанным с определением понятия должностного лица, установлением круга лиц, могущих быть субъектами должностного преступления.

Так, в постановлении 50-го Пленума Верховного суда СССР от 21 марта 1935 г.¹ дается разъяснение, что в тех случаях, когда допущенная колхозниками или рабочими совхозов халатность или небрежность при уходе за скотом колхозов и совхозов и охране его не носила систематического характера и не повлекла за собой значительного ущерба для колхоза или совхоза, дела эти, как правило, должны разрешаться в отношении колхозников в соответствии с Уставом сельскохозяйственной артели, а в отношении рабочих совхозов — в дисциплинарном порядке согласно правилам внутреннего распорядка.

В тех случаях, когда допущенное колхозниками или рабочими совхозов халатное или небрежное отношение к уходу и охране скота совхозов и колхозов носило систематический характер и причинило значительный ущерб колхозу или совхозу, виновные должны привлекаться к уголовной ответственности не по статьям о должностных преступлениях, а через ст. 16 по ст. 79⁴ УК РСФСР.

В разъяснении Пленума Верховного суда СССР от 27 марта 1935 г. к должностным лицам в колхозах и совхозах были

¹ Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР, 1946, стр. 55.

отнесены лишь лица, выполняющие административно-хозяйственные или оперативно-распорядительные функции (бригадиры, звеньевые и другие лица, возглавляющие конкретный участок работы или руководящие им).

Из новейшей практики можно привести постановление Пленума Верховного суда СССР от 22 июля 1944 г. по делу Афанасьева, в котором указывается, что Афанасьев, рабочий-электромонтер, не может рассматриваться как должностное лицо, так как к должностным лицам относятся лица, выполняющие какие-либо административные, хозяйственные или оперативно-распорядительные функции (Судебная практика Верховного суда СССР, вып. VII (XII), 1944, стр. 7).

Наряду с указаниями Верховного суда СССР, направленными на ограничение круга должностных лиц, имеются некоторые постановления, приравнивающие к должностным лицам (и, следовательно, могущих быть субъектами должностных преступлений) недолжностных лиц, но выполняющих должностные функции.

Так, в постановлении 55-го Пленума Верховного суда СССР от 28 июля 1936 г.¹ преступления, совершенные заключенными и связанные с выполнением ими по назначению администрации тех или иных должностных функций², подлежат квалификации по соответствующим статьям раздела о должностных преступлениях по аналогии.

Однако следует отметить, что в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 9 марта 1944 г. по делу Борнемана³ подчеркивается, что из того, что 55-й Пленум Верховного суда СССР считал возможным применение к этой категории лиц той или иной статьи УК о должностных преступлениях только по аналогии, следует, что Пленум не рассматривал их как должностных лиц, могущих быть в обычном порядке субъектами должностных преступлений.

Поэтому постановление Пленума необходимо понимать в том смысле, что к заключенным, выполняющим должностные функции, за преступления, связанные с выполнением этих функций, может быть применена по аналогии соответствующая статья УК о должностных преступлениях только в том случае, когда преступное действие по своему содержанию не подпадает под признаки иной статьи УК.

До Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» по УК РСФСР, Груз., Арм., Азерб. и Туркм. ССР субъектом «должностной» растраты могло быть всякое лицо, у которого это имущество нахо-

¹ Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР, 1946, стр. 21.

² См. также Судебная практика Верховного суда СССР, вып. IV (XX), за 1944 г., 1944, стр. 21, дело Семельковой.

³ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. IV (X), 1944, стр. 4.

дилось в силу какого-либо поручения со стороны государственного или общественного предприятия или учреждения (ст. 116, ч. 1 УК РСФСР). По УК остальных союзных республик субъектом «простого» должностного присвоения могло быть только должностное лицо.

Так, Данилина и Турутина были осуждены по ст. 143 УК Азерб. ССР (злоупотребление служебным положением) за то, что, работая поварами, из выданного им количества растительного масла для выпечки коржиков присвоили 2,8 кг. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в своем определении от 28 июля 1943 г. указала, что применение ст. 143 ГК Азерб. ССР к обвиняемым является неправильным, так как они, работая поварами, не выполняли никаких административных или оперативно-распорядительных функций и не являлись поэтому должностными лицами и не могли быть субъектами преступления, предусмотренного ст. 143 УК Азерб. ССР. В определении Коллегии Верховного суда СССР вместе с тем указывается, что кассационная инстанция неправильно переквалифицировала их действия на ст. 212 УК Азерб. ССР (присвоение имущества, принадлежащего частным лицам), поскольку присвоение имело место в отношении имущества государственного предприятия, вверенного обвиняемым.

Действия Данилиной и Турутиной, указывается в определении Коллегии, должны быть квалифицированы по ст. 151 УК Азерб. ССР (присвоение и растрата социалистического имущества), которая в качестве субъекта должностного присвоения предусматривает не только должностное лицо, но и любое иное, присвоившее вверенное ему имущество государственно-то или общественного учреждения.

С изданием Указа от 4 июня 1947 г. установлено единство в отношении уголовной ответственности за присвоение и растрату вверенного государственного или общественного имущества, и советское уголовное право не знает уже более «должностного» присвоения как должностного преступления. Субъектом преступления—присвоения и растраты социалистического имущества может быть любое лицо, которому было вверено это имущество.

Квалификации по соответствующим статьям раздела о должностных преступлениях подлежат действия старшего конвоира при исполнении им этих обязанностей (постановление 24-го Пленума Верховного суда СССР, утвержденное Президиумом ЦИК СССР 10 августа 1927 г.)¹.

Субъектом должностных преступлений могут быть военнослужащие, выполняющие должностные функции и не принадлежащие к лицам начальствующего состава.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. II (VII), за 1944 г., изд. 1944, стр. 12.

В руководящем постановлении Пленума Верховного суда СССР от 6 апреля 1945 г.¹ указывается, что поскольку эти военнослужащие выполняют функции, присвоенные обычно лицам начальствующего состава, преступные действия их по службе надлежит квалифицировать наравне с последними.

За преступления, предусмотренные ст. ст. 109, 110, 111 и 112 УК РСФСР, военнослужащие, выполняющие должностные функции (лица как относящиеся, так и не относящиеся к начальствующему составу), несли ответственность по ст. 193¹⁷ УК РСФСР.

Между тем, в практике некоторых народных судов имеют место случаи привлечения к уголовной ответственности по разделу о должностных преступлениях недолжностных лиц.

Так например, нарсуд Болнисского района Груз. ССР осудил по ст. 117 УК Груз. ССР (халатность) Багдасаряна за то, что он, будучи комбайнером комбайна № 8, выделенного для обмола урожая одного из колхозов, установил неисправный комбайн на молотьбу пшеницы, в результате чего от искр, вылетающих из выходной трубы, загорелась скирда необмолоченной пшеницы и сгорело большое ее количество.

Не касаясь всех причин отмены приговора нарсуда по этому делу, остановимся на ошибках, связанных с квалификацией действий комбайнера как должностного лица.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 16 февраля 1946 г.² указывается, что существенной ошибкой суда является неправильное разрешение вопроса о характере ответственности, которую должен нести комбайнер за упущения в работе.

Суд применил в данном случае ст. 117 УК Груз. ССР, рассматривая действия комбайнера как действия должностного лица.

С такой квалификацией — указывается в определении Верховного суда — можно было бы согласиться, если бы речь шла о действиях комбайнера, совершенных им в качестве начальника агрегата (комбайна и трактора), которому в соответствии со ст. 14 постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1935 г. «О работе комбайнов и об оплате комбайнеров в совхозах и МТС» подчиняются все работающие.

В данном случае комбайн не работал в составе такого агрегата. Поэтому не могло быть речи о квалификации действий комбайнера как действий должностного лица, а мог стоять вопрос только о применении в соответствии с постановлением 38-го Пленума Верховного суда СССР от 11 мая 1931 г.

¹ Журнал «Социалистическая законность», 1945, № 4, стр. 51.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. IV (XXVIII) за 1946 г., изд. 1947, стр. 11.

«Об уголовной ответственности за неосторожный поджог имущества совхозов, колхозов и МТС», ст. 78, Груз. ССР.

Народным судом 5-го участка Ворошиловского района г. Воронежа Воронцов и др. осуждены по 117 ч. 2 УК РСФСР за то, что они, являясь рабочими-мясорубами рыночного управления г. Воронежа, за услуги, оказываемые ими колхозникам в разрубке привозимого последними на рынок мяса получали с колхозников в ряде случаев деньги и мясо.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 16 декабря 1944 г.¹ приговор был отменен и дело в уголовном порядке прекращено ввиду того, что рабочие-мясорубы как недолжностные лица не могут быть субъектами преступления, предусмотренного ст. 117 УК РСФСР. За эти действия они могли нести лишь ответственность в дисциплинарном порядке.

Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 29 ноября 1946 г.² было указано на то, что Ткаленко, являясь проездным кочегаром, не является должностным лицом и потому субъектом получения взятки являться не может.

Рядовой колхозник Журавлев осужден по ст. 111 УК РСФСР за то, что он, выполняя поручение председателя колхоза за перевести через Дон колхозную рожь с тока в количестве 308 кг, не прикрепил бестарку к ходку, в результате чего при переправе бестарка с зерном свалилась с парома в воду и рожь погибла.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 28 декабря 1946 г.³ приговор был отменен, а дело в уголовном порядке прекращено ввиду того, что Журавлев не является должностным лицом. Вопрос же об ответственности Журавлева за проявленную неосмотрительность подлежал разрешению в порядке ст. 17 Устава сельскохозяйственной артели.

Неправильно был предан суду «за злоупотребление служебным положением» адвокат К., который обвинялся в систематическом получении денег с подзащитных у себя на дому, минуя кассу коллегии адвокатов, поскольку адвокаты не могут рассматриваться как должностные лица, и поэтому к совершаемым ими нарушениям обязанностей, возлагаемых на них Положением об адвокатуре СССР и правилами внутреннего распорядка, коллегией адвокатов, членами которых они состоят, неприменимы определения, относящиеся к должностным преступлениям.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. I (XVII) за 1945 г., изд. 1946, стр. 12.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. I (XXXV) за 1947 г., изд. 1947, стр. 3.

³ Там же, стр. 15.

«Вопрос о должностном преступлении может ставиться лишь в отношении тех членов коллегий адвокатов, которые занимают в них должности по выборам или назначению».

Нарушение адвокатом правил, установленных инструкцией о порядке оплаты юридической помощи, оказываемой адвокатами населению, может повлечь уголовную ответственность лишь в тех случаях, когда оно сопряжено с такими действиями, которые составляют преступление, предусмотренное уголовным законом. Например, нарушение налоговых законов при условиях, влекущих уголовную ответственность, сокрытие доходов, подлежащих обложению, или уголовно-наказуемый обман лиц, обращающихся за помощью (ст. 169, ч. 1 УК РСФСР—Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 8 января 1947 г. по делу К.¹).

§ 2. Некоторые вопросы, относящиеся к объективной стороне злоупотребления служебным положением

Как известно, ст. 109 УК РСФСР говорит о таких действиях должностного лица, которые оно могло совершить «единственно благодаря своему служебному положению». Обычно под такого рода действиями практика и теория понимала действия должностного лица, входящие в круг его обязанностей. Так, в обязанность бухгалтера учреждения входит составление ведомости на получение заработной платы. Именно благодаря своему служебному положению он и в состоянии вписать в ведомость «мертвые души».

Судебная практика последнего времени расширила понятие действия, которое должностное лицо могло совершить «единственно благодаря своему положению».

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 29 апреля 1944 г. по делу Драчевой установлено, что субъектом получения взятки может быть не только должностное лицо, могущее в силу выполняемых им служебных функций совершить действия, обусловленные взяткой, но и такое должностное лицо, которое в силу своего служебного положения может повлиять на выполнение иным должностным лицом действий, желательных для взяткодателя.

Приведем «извлечение» из определения по делу Драчевой, которое дано в «Судебной практике» за 1944 г. (вып. VI, 1944 г., стр. 22).

«...Ошибка Верховного суда РСФСР заключается в неправильном представлении о том, что должно разуметь под действием, которое должностное лицо могло совершить в силу своего служебного положения... Было бы неправильно

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. I (XXXV) за 1947 г., изд. 1947, стр. 16.

152849 -
считать, что таковым может быть только такое действие, которое является одной из функций данного должностного лица, т. е. действие, входящее в круг его обязанностей. Таким действием может быть также действие, хотя и не являющееся функцией данного должностного лица, но которое именно благодаря служебному положению последнего может привести к тому результату, которого добивается лицо, дающее взятку.

Это имеет место в тех случаях, когда должностное лицо содействует достижению желательного заинтересованному лицу результата, используя свой авторитет как должностного лица или иную возможность, благодаря своему служебному положению оказать влияние на других должностных лиц, от которых зависит этот результат.

Такого рода действия совершила в данном случае Драчева. Поэтому ее действия по ст. 117 УК РСФСР судом первой инстанции были квалифицированы правильно...»

Все другие преступные действия должностных лиц, не связанные с использованием своего служебного положения¹, должны рассматриваться как общеуголовные и квалифицироваться по соответствующим статьям других разделов Особенной части УК.

Однако следует заметить, что некоторые следственно-судебные органы не учитывают этих особенностей должностного преступления и всякие общественно-опасные действия, а иногда даже и не общественно-опасные, совершенные должностными лицами, рассматривают как должностные преступления.

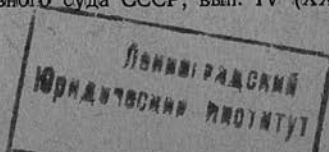
Так например, сотрудница здравотдела Кусарского района Азерб. ССР Бакарюкова признана виновной и осуждена за халатное отношение к служебным обязанностям, выразившееся в том, что она потеряла 36 хлебных карточек, переданных ей сотрудниками райздравотдела для коллективной закупки хлеба, чем причинила ущерб в сумме 14 450 руб. по рыночным ценам.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР² приговор был отменен ввиду того, что ст. 146 УК Азерб. ССР, предусматривающая халатное отношение должностного лица к своим служебным обязанностям, применена неправильно, так как в данном случае закупка Бакарюковой хлеба для сотрудников по их поручению носила исключительно частный характер.

Заведующая здравотделом Заонежского района Карело-Финской ССР Крылова была осуждена по ст. 111 УК РСФСР

¹ Здесь следует исключить дискредитацию власти — преступление, которое может быть не связано с использованием своего служебного положения.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. IV (XX) за 1945 г., изд. 1946, стр. 8.

за проявление халатного отношения к своим служебным обязанностям, выразившегося в том, что она не обеспечила сохранность личных вещей медфельдшера Котовой.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР¹ приговор был отменен, так как вопрос о хранении личных вещей не имеет ничего общего с обязанностями Крыловой как заведующей райздравотделом. Котова сдала вещи Крыловой как частному лицу, с которым она совместно работала в одном учреждении.

Аналогичное положение имело место и по делу Гловой.

Глова работала в подсобном хозяйстве ОМСЧ № 40 в качестве сторожа и после ночного дежурства, возвратившись к себе домой в общежитие подсобного хозяйства, затопила печку-временку, чтобы приготовить себе завтрак, легла на кровать отдохнуть и уснула. От топящейся печки, оставленной без наблюдения, произошел пожар, распространившийся на весь дом. Глова была осуждена народным судом Красносельского района Ленинградской области по ст. 111 УК РСФСР.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР² квалификация действий Гловой по ст. 111 УК была признана неправильной ввиду совершения Гловой вменяемых ей в вину неосторожных действий вне времени ее дежурства и не в отношении имущества, которое она обязана была охранять.

С другой стороны, некоторые следственно-судебные работники не умеют устанавливать в преступных действиях должностных лиц признаков должностного преступления и рассматривают эти преступления как общеуголовные.

Так, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР³ был отменен приговор нарсуда Тракайского района Литовской ССР, которым Статевичус и Яшанинас были осуждены по ст. 169 ч. 1 УК РСФСР.

Статевичус и Яшанинас были признаны виновными в том, что они в январе—феврале 1945 г. совершили мошеннические действия, выманивая водку и деньги у местных жителей, которым они сообщали, что им будто бы грозит административное выселение и конфискация имущества, и предлагали свои услуги, чтобы избавить их от этой опасности.

В определении Коллегии Верховного суда подчеркивается, что главная ошибка народного суда заключается в том, что он рассматривал действия осужденных как дей-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного суда СССР, 1947, стр. 69.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. VII (XXIII) за 1945 г., изд. 1946, стр. 3—5.

³ Судебная практика Верховного суда СССР, выпуск VIII (XXIV) за 1945 г., изд. 1946, стр. 13.

ствия недолжностных лиц, что в приговоре даже не указано, что осужденные являются должностными лицами — Статевичус — заместителем председателя Рыкатского сельского совета, а Яшанинас — уполномоченным этого же сельсовета по двум деревням.

Поскольку осужденные были работниками сельсовета, следовательно, должностными лицами, указанные в приговоре действия их, хотя и включают обман в корыстных целях, тем не менее не могут рассматриваться как мошенничество, составляющее имущественное преступление. Сообщая гражданам о предстоящем будто бы административном их выселении и предлагая свою помощь, они выступали перед ними как лица, облеченные властью, так как в противном случае их обращение к этим гражданам не было бы воспринято как реальная угроза и не достигло бы цели. Таким образом, осужденные совершили эти обманные действия путем использования своего служебного положения. Ввиду этого действия, совершенные Статевичус и Яшанинас, составляют должностное преступление — злоупотребление властью.

§ 3. Квалификация преступлений по совокупности

В судебной практике часто встает вопрос, как следует квалифицировать преступление, когда оно подходит под признаки нескольких статей, предусматривающих должностные преступления, как поступать, когда имеется и должностное и общеуголовное преступление.

Прежде всего необходимо остановиться на квалификации должностных преступлений, связанных с злоупотреблением служебным положением, — получение взятки должностным лицом, постановление неправомерного приговора, служебный подлог и др. Однако они отличаются от злоупотребления служебным положением, квалифицируемого по ст. 109 УК РСФСР, тем, что имеют черты других самостоятельных должностных преступлений и потому не должны быть смешиваемы с преступлением, предусмотренным ст. 109 УК РСФСР.

Одновременная квалификация должностных преступлений, прямо предусмотренных другими статьями раздела о должностных преступлениях, дополнительно по ст. 109 УК РСФСР является неправильной.

В этом отношении представляет интерес постановление Пленума Верховного суда СССР по делу Клименко и Муравьева.

Клименко и Муравьев были признаны виновными в присвоении вверенных им по службе ценностей на общую сумму в 4 536 руб. Эти действия были квалифицированы одновременно по ст. ст. 109 и 116 УК РСФСР.

Пленум Верховного суда признал неправильным такую квалификацию и указал, что «ст. 109 УК не должна применяться по совокупности с другой статьей УК раздела о должностных преступлениях, если инкриминируемое преступление прямо предусмотрено этой другой статьей, по которой только оно и должно квалифицироваться».

С другой стороны, может иметь место совершение двух должностных преступлений, и в этом случае действия виновного подлежат квалификации по обоим статьям раздела о должностных преступлениях по совокупности преступлений.

Так например, Михайлова была признана виновной в том, что она, работая в качестве старшей кассирши на комбинате питания, растратила 1 000 руб., а при увольнении совершила подлог с целью сокрытия произведенной растраты. Михайлова была осуждена народным судом по ст. 116 ч. 1 и ст. 120 ч. 1 УК РСФСР. Определением Московского городского суда ст. 116 УК была исключена.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отменила определение Московского городского суда и указала на правильность квалификации этих действий народным судом.

В тех случаях, когда речь идет о совокупности должностного и общеуголовного преступления, совершенных должностным лицом, эти действия надлежит квалифицировать по совокупности по соответствующей статье главы УК о должностных преступлениях и по той статье УК, которая предусматривает совершенное общеуголовное преступление.

В постановлении по делу Ткаленко от 29 ноября 1946 г., которое Пленум Верховного суда СССР принял в качестве руководящего указания судебным органам, имеется следующее положение: «Получение взятки должностным лицом карается независимо от законности или незаконности его действий, обусловленных получением взятки. Отсюда следует, что в тех случаях, когда должностное лицо совершает за взятку действие, содержащее состав преступления, это должностное лицо подлежит уголовной ответственности не только за получение взятки, но и по правилам реальной совокупности за то преступное действие, которое им было за взятку совершено»¹.

Сапиро был признан виновным в том, что, работая заведующим киоском артели «Интрикотаж», систематически снабжал крупными партиями промтоваров Шаца и Довтенко, которые оплачивали ему стоимость этих товаров по повышенным ценам и сами, в свою очередь перепродавали их на рынке спекулянтам.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. I (XVII), 1947, стр. 3.

Нарсуд осудил Сапиро по ст. 20 и 127 УК УССР (соучастие в спекуляции). Верховный суд УССР переквалифицировал действия Сапиро на ст. 97 УК УССР (злоупотребление служебным положением) на том основании, что усмотрел в действиях Сапиро злоупотребление служебным положением.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в своем определении от 10 января 1941 г.¹ указала на то, что в действиях Сапиро имеется совокупность преступлений: с одной стороны — должностное преступление, с другой — соучастие в систематической спекуляции, поэтому действия Сапиро должны быть квалифицированы по ст.ст. 97 и 20 — 127 УК УССР.

Судебная практика по делам о спекуляции не раз привлекала к себе внимание Пленума Верховного суда СССР. В частности, неправильность, допущенная по делу Сапиро, встречалась и в более поздней практике. Поэтому, в руководящем постановлении от 20 сентября 1946 г. «О судебной практике по делам о спекуляции» Пленум признал необходимым остановиться на неправильном применении судами при осуждении должностных лиц за спекуляцию товарами, находящимися в их распоряжении, только по ст. 109 УК РСФСР.

«Действие должностных лиц, — говорится в постановлении, — виновных в заведомой продаже спекулянтам товаров для спекуляции, должны квалифицироваться по совокупности как злоупотребление служебным положением и соучастие в спекуляции (ст. ст. 109 и 17—107 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Хищение или присвоение должностными лицами товаров и последующая продажа или передача их спекулянтам для спекуляции должны также квалифицироваться по совокупности по соответствующим статьям УК, предусматривающим хищение или присвоение и соучастие в спекуляции»².

Следует отметить, что ст. 109 УК не предусматривает конфискации как дополнительной меры наказания, тогда как ст. 107 ее допускает. Осуждая должностное лицо только по ст. 109, суды тем самым ставили их в более льготное положение по сравнению со спекулянтами, соучастниками преступлений которых являлись должностные лица.

Некоторые должностные преступления в качестве характерных признаков или квалифицирующих обстоятельств предусматривают лишение жизни, причинение увечья, незаконное лишение свободы и т. д., каковые предусмотрены

¹ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного суда СССР за 1941 г., изд. 1947, стр. 67.

² Судебная практика Верховного суда СССР за 1946 г., вып. VII (XXXI), 1947, стр. 4.

также в качестве самостоятельных преступлений статьями других разделов Особенной части УК (ст.ст. 136, 142, 148 и т. д.).

Так, например, ст. 110, ч. 2 УК в качестве квалифицирующих признаков превышения власти предусматривает «насилие, применение оружия, мучительные или оскорбляющие личное достоинство потерпевшего действия».

Ст. 115 УК в качестве одного из признаков преступления предусматривает незаконное лишение свободы.

Эти признаки перечисленных должностных преступлений органически связаны с такими преступными должностными действиями, как превышение власти или незаконный арест, и являются существенными для обрисовки этих составов преступления, поэтому при квалификации по ст. 110, ч. 2 УК действий должностного лица, связанных с убийством или причинением увечья потерпевшему, или при квалификации по ст. 115 УК действий должностного лица, связанных с незаконным содержанием под стражей, не требуется дополнительной квалификации этих действий по статьям из раздела о преступлениях против личности, предусматривающих убийство, причинение телесного повреждения или незаконное лишение свободы, поскольку они составляют существо указанных должностных преступлений.

В этом отношении представляет большой теоретический и практический интерес постановление Пленума Верховного суда СССР от 7 июня 1946 г. по делу Ч.¹

Ч. был осужден судом первой инстанции по ст. ст. 193¹⁷, п. «а» и 137 УК РСФСР по совокупности к лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях на шесть лет, без поражения в правах. Ч. был признан виновным в том, что, являясь должностным лицом, он в своем служебном кабинете во время допроса гр. К. допустил злоупотребление властью и незаконно применил к К. огнестрельное оружие, в результате чего выстрелом из пистолета убил К.

В своем постановлении Пленум высказал следующее положение:

«Квалификация действий Ч. по ст. ст. 193¹⁷ и 137 УК РСФСР не соответствует обстоятельствам дела и является поэтому ошибочной. Суд первой инстанции неправильно усмотрел в действиях Ч. наличие идеальной совокупности двух преступлений, предусмотренных указанными статьями УК РСФСР. Если бы даже согласиться с приговором суда и признать, что Ч. при выполнении своих служебных обязанностей, злоупотребив своей властью, умышленно лишил жизни потерпевшего, то и тогда все совершенное следовало бы

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. VI (XXX) за 1946 г., изд. 1947 г., стр. 5.

рассматривать не как совокупность двух преступлений, а как одно преступление, предусмотренное ст. 193¹⁷ УК».

При квалификации должностных преступлений, совершенных военнослужащими лицами начальствующего состава, необходимо исходить из тех положений, которое проводит наше уголовное законодательство в определении ответственности за должностные преступления. Ст. 193¹⁷ УК РСФСР, говорящая о злоупотреблении властью, превышении власти и халатном отношении к службе лица начальствующего состава Советской Армии, не может быть надлежащим образом уяснена без обращения к общему понятию этих должностных преступлений, данному в ст.ст. 109, 110 и 111 УК РСФСР.

Ст. 110, ч. 2 УК РСФСР предусматривает специально превышение власти, сопровождающееся насилием или применением оружия в отношении потерпевшего. По смыслу этой статьи всякое насилие над потерпевшим, в том числе и лишение его жизни, надлежит рассматривать не как совокупность должностного преступления и преступления против личности, а как одно квалифицированное превышение власти. Поэтому и превышение власти военнослужащим лицом начальствующего состава, выразившееся в применении оружия и лишении жизни потерпевшего, следовало бы рассматривать не как совокупность преступлений, а как одно преступление — превышение власти, повлекшее за собой тяжелые последствия, т. е. квалифицировать, в зависимости от тяжести последствий, по п. «а» или п. «б» ст. 193¹⁷ УК РСФСР.

Пленум по обстоятельствам дела пришел к заключению, что Ч. превысил пределы необходимой обороны и квалифицировал его действия по ст. 139 УК РСФСР. Но соображения общего характера о природе ст. 193¹⁷ УК РСФСР (ст. 110, ч. 2 УК РСФСР) сохраняют, конечно, всю свою силу¹.

§ 4. Корыстные должностные злоупотребления

Много места в решениях Верховного суда СССР отводится вопросам разграничения преступлений, квалифицируемых по постановлению ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. и по ст. 109 УК РСФСР.

Хотя приводимые в этом разделе постановления и определения Верховного суда касаются вопросов разграничения квалификации по закону от 7 августа 1932 г. и ст. 109 УК РСФСР, но, как будет показано ниже, устанавливаемые в них положе-

¹ Подробно комментировано постановление по делу Чичилина в Сборнике судебной практики Исаева и Пионтковского (см. литературу к раз-
делу о должностных преступлениях).

ния сохраняют свою силу и имеют большое значение при применении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Хищение государственного или общественного имущества в целом ряде случаев производится замаскированно, путем каких-либо незаконных служебных действий. В такого рода делах факт хищения социалистической собственности иногда остается нескрытым, на поверхность всплывает лишь факт злоупотребления служебным положением.

Иногда должностное лицо, которому вверены ценности, вследствие своего преступного отношения к своим служебным обязанностям умышленно создает обстановку для хищения, способствует хищениям и в этих случаях его деятельность нередко не ставится в связь с хищением, а рассматривается как чисто должностное преступление.

По этим и многим другим ошибкам, вытекающим из неправильной квалификации действий лиц, связанных с хищениями, Верховным судом СССР издан ряд очень важных указаний.

Так, по делу Авакяна в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР¹ подчеркивается, что систематические корыстные злоупотребления должностного лица в крупных размерах перерастают из обычного должностного преступления в преступление, караемое по закону от 7 августа 1932 г.

Авакян признан виновным в том, что, работая на мельнице, он путем подлогов приемных квитанций систематически присваивал из гарнцевого сбора пшеницу. Всего им было присвоено 1 845 кг пшеницы.

По делу Ерофеевой, которая работала главным бухгалтером промкомбината и в корыстных целях не пресекала имевшее место расхищение средств и материальных ценностей и сама активно содействовала хищениям путем оплаты труда по завышенным расценкам при заниженных нормах выработки, принимала к оплате заведомо фиктивные трудовые соглашения, ведомости, расписки и т. д., в постановлении Пленума Верховного суда СССР² указано, что действия Ерофеевой были неправильно переqualифицированы кассационной инстанцией с закона от 7 августа 1932 г. на ст. 109 УК ввиду того, что Ерофеева, занимая руководящую должность главного бухгалтера, своими действиями способствовала совершению систематических хищений в крупных размерах.

«То обстоятельство, — указывается в постановлении Пленума Верховного суда, — что сама Ерофеева получила непосред-

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. II (XXVI) за 1946 г., изд. 1946, стр. 5.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. VIII (XXXII) за 1946 г., изд. 1947, стр. 4.

ственно в свою пользу относительно небольшую сумму по сравнению со стоимостью всего расхищенного имущества, не давало оснований для изменения квалификации ее действий, поскольку установлено, что указанное выше крупное хищение явилось результатом активных действий со стороны самой Ерофеевой».

По делу Токарева Пленум Верховного суда СССР¹ указал, что преступное использование должностным лицом своего служебного положения, повлекшее незаконный переход социалистической собственности в пользу этого лица или в пользу третьих лиц с ведома и при служебном содействии данного лица, должно квалифицироваться при наличии отягчающих обстоятельств по закону от 7 августа 1932 г.

В этом постановлении указывается, что закон от 7 августа 1932 г. охватывает не только хищение социалистической собственности, выразившееся в непосредственном незаконном изъятии имущества, но и при прочих равных условиях всякие иные виды преступных посягательств на социалистическое имущество, в результате которых последнее переходит в собственность лиц, не имеющих права на это имущество.

Поэтому и преступное использование должностным лицом своего служебного положения, повлекшее незаконный переход социалистической собственности в пользу этого лица или в пользу третьих лиц с ведома и при служебном содействии данного должностного лица, дает также при наличии прочих квалифицирующих условий состав преступления, предусмотренного законом от 7 августа 1932 г. (при активном содействии Токарева было разбазарено в условиях военного времени свыше 21 т соли).

По делу Мусаева, Сейфали, Беюккишиева и др.², осужденных нарсудом 1-го участка Шамхорского района по ст. 143 УК Азербайджанской ССР (ст. 109 УК РСФСР) за то, что они по сговору между собой, с целью последующего хищения, создали на складе, которым заведывал Мусаев, излишки зерна в количестве свыше 8 т. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указала, что корыстные злоупотребления, повлекшие незаконное обращение в свою пользу социалистического имущества в особо крупных размерах, подлежит квалификации по закону от 7 августа 1932 г.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 2 января 1947 г.³ по делу Рекко указывается, что действия Рекко неосновательно переqualи-

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. X (XXXIV) за 1946 г., изд. 1947, стр. 4.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. V (XXI) за 1945 г., изд. 1946, стр. 11.

³ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. I (XXXV) за 1947 г., изд. 1947, стр. 15.

фицированы с закона от 7 августа 1932 г. на ст. 109 УК РСФСР, так как Рекко, хотя и не участвовал в расхищении социалистической собственности, но своей преступной деятельностью создал исключительно благоприятные условия для других преступников, которыми и было расхищено 64 т керосина. За эти действия Рекко должен нести ответственность по закону от 7 августа 1932 г.

Можно было бы привести еще ряд других определений Верховного суда СССР по затронутому вопросу, но мы считаем, что приведенные выше указания Верховного суда достаточно ясно проводят разграничение между ст. 109 УК РСФСР и законом от 7 августа 1932 г.

Как же должны решаться эти вопросы после издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», поскольку с изданием этого Указа за перечисленные действия, совершенные после 4 июня 1947 г., закон от 7 августа 1932 г. не подлежит применению?

Мы полагаем, что приведенные выше и другие указания Верховного суда СССР о случаях квалификации корыстных должностных преступлений по закону от 7 августа 1932 г. полностью сохраняют свою силу и при решении вопроса о квалификации подобных случаев по соответствующим статьям Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Это вытекает из того, что Указ от 4 июня 1947 г. усиливает борьбу с хищениями, объявляет войну расхитителям, и указания Верховного суда, направленные на усиление борьбы с хищениями государственного и общественного имущества, должны применяться и впредь.

«Суровая борьба с преступными злоупотреблениями, — указывает тов. Голяков, — когда объектом преступной деятельности является государственная и общественная собственность, должна вестись судом без всякого послабления»¹.

До Указа от 4 июня 1947 г. лишь крупные корыстные злоупотребления квалифицировались как хищения — по закону от 7 августа 1932 г., а все другие виды корыстных злоупотреблений, направленных на незаконный переход государственного и общественного имущества в собственность лиц, не имеющих права на это имущество, к содействию и созданию условий для противозаконного перехода этого имущества, квалифицировались по ст. 109 УК, хотя они содержат в себе ярко выраженные признаки другого самостоятельно и более опасного преступления — хищения. При этих обстоятельствах само корыстное злоупотребление служебным

¹ Проф. И. Голяков, Правосудие в СССР за тридцать лет, журнал «Социалистическая законность», № 11, 1947, стр. 16.

положением служит лишь одним из способов к противозаконному переходу социалистической собственности.

Как было указано выше, Указ от 4 июня 1947 г. является собой дальнейшее развитие советского уголовного законодательства и своим определением понятия хищения (ст. 1) дает возможность такого рода корыстные злоупотребления квалифицировать как хищение по соответствующим статьям этого Указа.

Проф. Голяков в своей статье «Против извращений смысла Указов от 4 июня 1947 г.»¹ указывает: «Несмотря на то, что Указ от 4 июня 1947 г., предусматривающий ответственность за хищение социалистической собственности, с полной ясностью говорит о хищениях каким бы то ни было способом, не изжиты приговоры в отношении должностных лиц, квалифицирующие совершение ими хищения по ст. 109 УК РСФСР, а сами хищения мягко именуемые злоупотреблениями» (разрядка наша — М. Г.).

Нам представляется, что по Указу от 4 июня 1947 г. надлежит квалифицировать все случаи противозаконного перехода государственного или общественного имущества, независимо от способов его перехода, включая и корыстные должностные злоупотребления, как один из способов противозаконного присвоения социалистической собственности.

Резюмируя изложенное по вопросу о корыстных должностных злоупотреблениях, следует указать, что по соответствующим статьям Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного или общественного имущества» надлежит квалифицировать все случаи корыстного должностного злоупотребления, приведшие к незаконному переходу государственного или общественного имущества к этим лицам, независимо от того, было ли вверено это имущество виновному или нет, независимо от размера похищенного имущества (размер похищенного может влиять лишь на квалификацию по той или иной статье Указа от 4 июня 1947 г.).

Следует иметь в виду, что корыстное злоупотребление служебным положением не является единственным признаком отягчающих обстоятельств, дающих основание квалифицировать злоупотребление служебным положением по ст. 109 УК РСФСР.

Ст. 109 УК РСФСР предусматривает в качестве отягчающих обстоятельств любого должностного преступления, предусмотренного разделом о должностных преступлениях, в том числе и злоупотребления власти, еще два признака: си-

¹ «Социалистическая законность», № 11, 1947, стр. 21.

стематичность действий, наступление тяжких последствий или возможность наступления таких последствий.

Таким образом, злоупотребление служебным положением может выражаться и в действиях некорыстного или иного личного характера.

«Весьма нередки случаи, — указывает проф. Голяков, — когда злоупотребление должностного лица может и не сопровождаться личными мотивами, однако для государства не легче, когда виновный причиняет крупный ущерб и не ставя перед собой личной цели»¹.

Недооценка этого обстоятельства приводит на практике к случаям неправильной квалификации и назначения мягких мер наказания, а иногда даже и к прекращению таких дел.

Так, например, один из военных трибуналов осудил В. и других лиц по ст. 180 УК БССР (ст. 193¹⁷ УК РСФСР) за совершение ими ряда финансовых и хозяйственных операций с нарушением правил финансово-материального учета и финансовой дисциплины.

Военная коллегия Верховного суда СССР приговор отменила и дело прекратила по тем мотивам, что «по делу не установлено корыстных целей со стороны осужденных и что деятельность их была направлена к восстановлению обслуживаемых объектов при значительных трудностях в сложной обстановке»².

Пленум Верховного суда СССР, отменив определение Коллегии, указал, что «отсутствие корыстной заинтересованности само по себе не является обстоятельством, исключающим уголовную ответственность за злоупотребление служебным положением».

Факты систематического нарушения осужденными финансовой дисциплины установлены. Независимо от мотивов, которыми руководствовались осужденные, их действия, заключающиеся в сознательной антигосударственной практике, дают основания для признания их уголовнонаказуемыми, хотя бы они были совершены из соображений ложно понятой служебной необходимости.

§ 5. Недостатки в судебной практике по делам о должностной халатности

В постановлениях и определениях Верховного суда СССР неоднократно подчеркивалась необходимость чрезвычайно осторожного подхода к решению вопроса о привлечении к уголовной ответственности должностных лиц, особенно из низового сельского актива, внимательного разбора в фактически

¹ «Социалистическая законность», № 11, 1947, стр. 16.

² Из практики Верховного суда СССР, журнал «Социалистическая законность», № 12, 1947, стр. 17.

содеянном этими лицами, в причинах содеянного, в наличии в этих действиях признаков должностного преступления.

Неслучайным является, например, руководящее постановление Пленума Верховного суда СССР от 22 августа 1947 г., в котором отмечается, что в судебной практике по делам о преступлениях по должности председателей колхозов имелись случаи неправильного привлечения к уголовной ответственности и осуждения председателей колхозов.

Для обеспечения квалифицированного расследования и рассмотрения этой категории дел Пленум Верховного суда дал судам указание, чтобы дела о преступлениях председателей колхозов по должности рассматривались областными, краевыми и верховными судами, чтобы указанные суды принимали дела к рассмотрению лишь в тех случаях, когда предварительное расследование этих дел проведено следователями прокуратуры, а обвинительное заключение утверждено, соответственно, прокурором области, края, республики.

Эти требования особенно касаются таких действий должностных лиц, которые не связаны со злоупотреблениями властью или служебным положением, а касаются случаев обвинения в халатном отношении к своим обязанностям.

Как показывают решения Верховного суда СССР, довольно часто допускаются ошибки в судебной практике при осуждении за должностную халатность.

Наиболее типичные ошибки при рассмотрении этих дел заключаются в том, что в ряде случаев суды не вскрывают конкретных обстоятельств, выражающих собой преступное отношение обвиняемых к своим обязанностям и обосновывающих сущность обвинения.

Наступившие вредные последствия иногда сами по себе считаются основанием для привлечения к уголовной ответственности без установления того, что этот ущерб наступил в результате преступного действия или бездействия должностного лица. А, между тем, обвинение в халатности предполагает наличие преступно небрежного или недобросовестного отношения должностного лица к своим обязанностям и поэтому должностное лицо не может нести ответственность за последствия, наступившие по обстоятельствам, которые оно не могло предвидеть и устранить.

Изложенные положения можно проиллюстрировать рядом решений Верховного суда СССР.

Заведующий складом колхоза Акопян был признан виновным в том, что он в период своей работы с 1942 г. по март 1944 г. присвоил 40 кг сушеных персиков, 20 кг кишмиша и другие продукты, чем причинил колхозу ущерб в сумме 31 480 руб.

Действия Акопяна были квалифицированы по ст. 142, ч. 2 УК Армянской ССР (растрата).

Верховный суд Армянской ССР признал, что в деле отсутствуют данные о присвоении Акопяном колхозных продуктов и что бухгалтерия находилась в хаотическом состоянии, не производилось описания нормальной недостачи. Вследствие этого действия Акопяна были переквалифицированы на ст. 137 (халатность).

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 14 июля 1945 г.¹ указывается, что Верховный суд Армянской ССР, признав недоказанным обвинение Акопяна в присвоении, вместе с тем не привел никаких соображений, которые бы давали основание считать Акопяна виновным в халатности.

Халатность — указывается в этом определении Верховного суда СССР — может быть инкриминирована, как и любое иное преступление, лишь при наличии вины, причем, поскольку это касается халатности, — вины неосторожной.

А, между тем, Верховный суд Армянской ССР не только не указал, в чем проявилась преступная небрежность со стороны Акопяна, но и не указал даже, что он вообще проявил небрежность, и вменил ему халатность потому, что признана недоказанной с его стороны растрата.

«Таким образом, — заключается в определении Верховного суда СССР, — если бы по делу и была установлена недостача, то и в этом случае при недоказанности виновности Акопяна в растрате Верховный суд не имел оснований переходить на статью о халатности без серьезных соображений, обосновывающих вину Акопяна».

Крылова и Поцелуева² признаны народным судом виновными в том, что Крылова, работая заведующей гостиницей, а Поцелуева уборщицей, халатно относились к службе, вследствие чего у артистов Салыхова и Мирзоевой пропал из номера чемодан, в котором, по их заявлению, находились вещи, стоимостью в 20 600 руб.

Крылова и Поцелуева были осуждены по ст. 146 УК Азерб. ССР (халатность).

Из материалов дела видно, что в номере гостиницы, в котором были поселены потерпевшие, находилось несколько человек. Оставив чемодан в номере, потерпевшие сдали ключ Крыловой и ушли в клуб. Крылова дежурила до 11 часов вечера, а затем на дежурство вступила Поцелуева. Артисты вернулись из клуба в час ночи и чемодана не нашли. Суд, признав Крылову и Поцелуеву виновными в халатном отношении к службе, не указывал в приговоре, в чем же конкретно выразилась халатность осужденных.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. VII (XXIII) за 1945 г., изд. 1946, стр. 7.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. I (XXV) за 1946 г., изд. 1947, стр. 12.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, не усматривая поэтому в действиях Крыловой и Понцелуевой состава преступления, определила дело производством прекратить.

В определении судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Джебраилова и Васильевой¹ подчеркивается неосновательность привлечения к уголовной ответственности должностного лица, выполнявшего распоряжение начальника, отданное с преступной целью, если это должностное лицо не знало и не должно было знать о преступных целях отдавшего распоряжение.

Управляющий конторой Шемахинского раймолото Джебраилов признан виновным в том, что он проявил преступную халатность, выразившуюся в том, что при выезде в командировку он не оформил приказом заменяющего себя и подписал несколько чеков без текста на получение денег из Госбанка, которые оставил у старшего бухгалтера Войтова. Последний, воспользовавшись этим обстоятельством, получил по одному из чеков Госбанка 5 500 руб. и, кроме того, получив обманным путем от кассира Раймолото Васильевой 3 662 руб., скрылся, захватив с собой в общей сложности 9 162 руб.

Васильева признана виновной в том, что она, работая кассиром конторы раймолото, допустила преступную халатность, передав деньги в сумме 3 662 руб. старшему бухгалтеру Войтову, который с этими деньгами скрылся.

Из материалов дела видно, что Васильева находилась в непосредственном подчинении старшего бухгалтера Войтова и в связи с отъездом Джебраилова в командировку Васильева обязана была, по требованию Войтова, выдавать деньги и оформлять все финансовые операции в соответствии с пригодно-расходными ордерами.

Ввиду этого Верховный суд СССР не нашел достаточных оснований для привлечения Васильевой к уголовной ответственности.

В некоторых случаях суд, разрешая вопрос о виновности, не учитывает совокупности всех обстоятельств, определивших наступление преступных последствий, что приводит к неосновательному осуждению должностных лиц.

Так например, кладовщик камеры хранения ручной клади Бакинского торгового порта Аванесов был признан виновным в том, что вследствие халатного отношения к своим обязанностям он выдал по подложным квитанциям неизвестному лицу вещи, сданные на хранение гр-ном Езерским, чем причинил Бакинскому торговому порту ущерб в 4 000 руб.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. IV за 1943 г., изд. 1943, стр. 21.

Между тем, при решении вопроса о виновности Аванесова суд не учел, что Аванесов был переведен в кладовщики из плотников, с работой кладовщика не был знаком, что предъявленные квитанции на получение вещей были достаточно искусно подделаны, что это событие имело место в ночное время, при наличии очереди у камеры, и вследствие своей неопытности Аванесов не заметил, что квитанции подделаны.

При указанных условиях Пленум Верховного суда СССР¹ не нашел в действиях Аванесова состава преступления.

В судебной практике имеют также место случаи, когда должностные лица осуждаются за халатность при отсутствии в их действиях признаков должностного преступления, предусмотренных ст. 109 УК РСФСР, которая содержит родовые признаки должностного преступления.

Так например, бухгалтер Кировабадской фабрики индивидуальной пошивки обуви Кузик² был признан виновным в том, что он по своей халатности запутал и привел в хаотическое состояние учет и отчетность на фабрике.

Между тем, из материалов дела видно, что такую оценку состоянию учета и отчетности на фабрике суд дал не на основании документов проверки всей работы Кузика, а по одному случайному эпизоду, когда заведующая магазином при фабрике напутала в записях приемки 33 пары обуви, причем этот единственный эпизод также не имел никаких последствий.

Таким образом, при отсутствии в действиях Кузика признаков, указанных в ст. 146 УК Азерб. ССР (ст. 109 УК РСФСР) — систематичности или тяжких последствий, не было оснований к осуждению за халатность.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР приговор по делу Кузик был отменен, а дело прекращено.

§ 6. Некоторые вопросы, связанные с понятием взяточничества

За последнее время было опубликовано несколько постановлений и определений Верховного суда СССР, посвященных взяточничеству и имеющих большое значение для теории уголовного права и для судебной практики.

Эти решения помогают более правильному уяснению особенностей такого преступления, как взяточничество, которое, как правило, связано с совершением других преступлений,

¹ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного суда СССР за 1941 г., изд. 1947, стр. 42.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. VII (XIII) за 1944 г., изд. 1945, стр. 14.

уточняют также понятие субъекта получения взятки и понятие заинтересованности при даче взятки.

Некоторые следственно-судебные работники неправильно полагают, что преступления, совершаемые в связи с получением взятки, охватываются понятием ст. 117 УК РСФСР и должны квалифицироваться только по этой статье.

На эту серьезную ошибку обращает внимание Пленум Верховного суда СССР в руководящем постановлении от 29 ноября 1946 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве»¹.

В этом постановлении Пленум указывает, что сам факт получения взятки представляет собой самостоятельное преступление, независимо от законности или незаконности действий должностного лица, обусловленных получением взятки.

Поэтому, если должностное лицо совершает за взятку действие, содержащее состав преступления, это должностное лицо подлежит уголовной ответственности не только за получение взятки, но и по правилам реальной совокупности за то преступное действие, которое им за взятку было совершено.

Судебная практика встречалась с затруднениями при квалификации действий должностных лиц, получивших взятку не за действия, которые они сами должны были совершить по службе, а за то, что они могут повлиять на выполнение другими должностными лицами действий, желательных для взяткодателя.

Этот вопрос нашел свое разрешение в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 29 апреля 1944 г. по делу Драчевой. Это определение приведено нами выше при анализе объективной стороны общего понятия должностного преступления.

В постановлении Пленума Верховного суда СССР от 19 октября 1944 г.² по делу Попова подчеркивается, что деятельность взяткополучателя, обусловленная взяткой, может иметь место не только в личных интересах взяткодателя, но и в интересах защищаемых взяткодателем лиц и учреждений.

Агент орс Попов был признан виновным в даче маневровому диспетчеру взятки (2 литра масла) с целью ускорения подачи под погрузку двух цистерн, прибывших в адрес орс завода, и осужден Военным трибуналом дороги по ст. 118 УК РСФСР.

На приговор Трибунала поступил протест Прокурора СССР, в котором указывается на неправильность квалификации действий Попова по ст. 118 УК РСФСР и на то, что

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. I (XXXV) за 1947 г., изд. 1947, стр. 3.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. IX (XV) за 1944 г., изд. 1945, стр. 4.

в его действиях имеются признаки ст. 109 УК, потому что Попов преследовал не личные интересы, а интересы орс завода.

Пленум Верховного суда СССР с протестом Прокурора СССР не согласился и признал квалификацию действий Попова по ст. 118 УК правильной и в своем постановлении указал, что закон о взяточничестве, устанавливая в качестве одного из признаков получения взятки обусловленность ее выполнением или невыполнением взяткополучателем тех или иных действий в интересах взяткодателя, не указывает, что в данном случае имеются в виду личные интересы взяткодателя и что такое толкование закона, предлагаемое Прокурором, суживает пределы применения закона, вводя ограничения, в законе не указанные.

Поскольку закон не говорит о личных интересах дающего взятку, следует признать, что взяточничество будет налично, если при наличии прочих условий действие или бездействие имело или должно было иметь место как в личных интересах дающего, так и в защищаемых им интересах других лиц или учреждений.

В последнем случае самый факт и способ защиты взяткодателям этих интересов предполагает его заинтересованность (хотя бы и не из узко личных мотивов) в действии или бездействии, обусловленное взяткой, которая поэтому и в настоящем случае должна быть признана данной в интересах взяткодателя.

Такое именно толкование закона вытекает, в частности, и из постановления Совнаркома СССР от 20 апреля 1943 г., предлагающего рассматривать как взяточничество всякого рода премирование клиентурой работников ж. д. транспорта.

В руководящем постановлении от 29 ноября 1946 г. Пленум Верховного суда СССР подчеркнул, что субъектом получения взятки могут быть только должностные лица и что не может быть конструирована ответственность иных лиц по аналогии. «Недопустима аналогия по субъекту преступления, — говорится в постановлении, — поскольку закон, устанавливая специального субъекта, тем самым исключает из сферы своего применения всех иных лиц, лишенных свойств данного специального субъекта». «Поэтому следует признать, что и статья УК, предусматривающая уголовную ответственность за получение взятки должностным лицом, устанавливая таким образом в качестве специального субъекта должностное лицо, исключая тем самым из-под действия этой статьи всех иных лиц, не может быть путем аналогии применена к недолжностным лицам»¹.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. I (XXXV), 1947, стр. 3.

II. ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПОСЯГАЮЩИЕ НА ТРУДОВУЮ ДИСЦИПЛИНУ, В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

В настоящем разделе мы попытаемся систематизировать решения Верховного суда СССР, посвященные практике применения судебными органами Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

В целях соблюдения наибольшей последовательности мы будем придерживаться следующего порядка:

§ 1 — Понятие и юридический анализ уголовно-наказуемого прогула (ч. 2 ст. 5);

§ 2 — Понятие и юридический анализ самовольного оставления работы на предприятии или в учреждении (ч. 1 ст. 5).

§ 1. Понятие и юридический анализ уголовно-наказуемого прогула

Объект преступления

Объектом уголовно-наказуемого прогула является социалистическая дисциплина труда на государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях.

Объективная сторона

В ч. 2 ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г. законодатель ограничивается лишь наименованием преступления — прогул без уважительных причин — без обрисовки основных его черт («простая» диспозиция).

В судебной практике имел место ряд ошибок, связанных с неправильным пониманием объективной стороны без уважительных причин, с неумением разграничить виды нарушения

трудовой дисциплины, которые должны рассматриваться как нарушение правил внутреннего трудового распорядка и влечь за собой дисциплинарную ответственность и виды нарушения трудовой дисциплины, которые должны рассматриваться как уголовное преступление, влекущее уголовную ответственность.

Вследствие этого имели место факты осуждения, как за прогул без уважительных причин, за бездельничание на производстве.

В этом отношении имеет большое значение постановление Пленума Верховного суда СССР от 4 мая 1945 г. по делу Кондалинцева (Судебная практика Верховного суда СССР за 1945 г., вып. V (XXI), изд. 1946, стр. 6).

Кондалинцев был признан виновным в совершении уголовно-наказуемого прогула, выразившегося в том, что он во время работы пошел греться к костру, где оставался в течение двух часов.

Ввиду неправильной оценки судом действия Кондалинцева Пленум Верховного суда указал, что по закону прогул является таким нарушением трудовой дисциплины, которое во всех случаях (за исключением появления на работе в нетрезвом виде) обязательно предполагает отсутствие работника на месте работы в рабочее время. Что же касается бездельничания на производстве, то согласно прямому смыслу ст. 21 Типовых правил внутреннего распорядка этот вид нарушения трудовой дисциплины не является прогулом и влечет не уголовную, а дисциплинарную ответственность.

Верховный суд в ряде своих решений¹ ссылается на определение понятия прогула без уважительных причин, содержащееся в ч. 2, 3 и 4 ст. 26 «Типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений», утвержденных СНК СССР 18 января 1941 г.

Согласно ст. 26 Типовых правил внутреннего трудового распорядка прогулом без уважительных причин является: а) опоздание к началу работы; б) опоздание после обеденного перерыва; в) уход с работы до окончания рабочего дня; г) уход с работы до обеденного перерыва, — если нарушение трудовой дисциплины вызвало потерю рабочего времени более 20 минут, либо, если оно имело место с потерей рабо-

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. IV за 1943 г., изд. 1943, стр. 13 — Определение по делу Какашкиной; вып. VI за 1943 г., изд. 1944, стр. 9 — Определение по делу Золотовой; вып. V (XII) за 1945 г., стр. 6—8 — Постановление Пленума по делу Кондалинцева и т. д.

чего времени не более 20 минут три раза в течение одного месяца и четыре раза в течение двух месяцев¹ подряд.

Ст. 26 Типовых правил приравнивает к прогулу без уважительных причин появление на работе в нетрезвом виде.

Прогул без уважительных причин может заключаться и в невыходе на работу.

Одним из видов бездельничания в рабочее время является также и сон на работе и потому за такое нарушение трудовой дисциплины должна последовать дисциплинарная ответственность.

По ст. 5. ч. 2. Указа от 26 июня была осуждена за сон на посту Какашкина, сторож центрального склада управления туннельно-скальных работ Метрострой.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в своем определении от 25 января 1943 г. указала на неправильность квалификации действий Какашкиной как уголовно-наказуемый прогул ввиду того, что сон на посту не связан с отсутствием работника на месте работы и потому в данном случае имеет место нарушение Типовых правил, которое должно повлечь за собой дисциплинарную ответственность.

Вместе с тем, в этом определении указывается, что имеются в виду случаи, которые не повлекли и не могли повлечь серьезных последствий. Но тогда, когда сон допущен работником, самый характер работы которого требует повышенной бдительности (сторож, машинист паровоза и др.), это нарушение трудовой дисциплины может, в зависимости от конкретных обстоятельств дела, преследоваться в уголовном порядке по статьям УК о халатности, нарушении трудовой дисциплины на транспорте и т. п.

Нельзя также рассматривать как уголовно-наказуемый прогул затраты времени рабочим или служащим для посещения врача по поводу действительного или добросовестно предполагаемого заболевания даже в случае отказа в выдаче бюллетеня².

¹ В статье о прогулах и самовольном оставлении работы («Социалистическая законность», № 3—4, 1944, стр. 29), которая написана в помощь народному судье и районному прокурору, совершенно неправильно указывается, что нарушения трудовой дисциплины, предусмотренные Типовыми правилами (опоздание к началу работы или после обеденного перерыва и т. д.), вызвавшие потерю рабочего времени более 20 минут, приравниваются к прогулу, если они совершены три раза в течение одного месяца или четыре раза в течение двух месяцев.

² Судебная практика Верховного суда СССР. вып. VI (XXX), за 1943 г., 1944, стр. 7, постановление Пленума от 1 апреля 1943 г. по делу Садовникова; то же, вып. VI за 1943 г., изд. 1944, стр. 11 — определение от 24 апреля 1943 г. по делу Николаева; то же, вып. IV (XXVIII) за 1946 г., изд. 1946, стр. 20.

Так например, Садовникова была признана виновной в том, что, работая в промыслово-кооперативной артели им. Шаумяна в качестве подсобной рабочей, она 13 октября 1942 г. совершила прогул. Садовникова при объяснении причины прогула указала на то, что она не вышла на работу потому, что заболела и пошла в поликлинику, где долго прождала врача, но врач не дал ей больничного листка, так как у нее не было повышенной температуры.

«Невыдача больничного листка,—указывается в постановлении Пленума, — вовсе не означает, что данное лицо не имело оснований обращаться к врачу и что рабочее время, затраченное на это, потеряно без уважительных причин. Лицо, чувствующее себя больным, может и не знать, каково его состояние по объективным признакам, и поэтому обращение к врачу лица, добросовестно считающего себя больным, не может рассматриваться как лишенное основания, хотя бы врач и не нашел необходимым освободить его от работы».

Серьезный интерес представляет по этому же вопросу определение Верховного суда СССР от 30 марта 1946 г. по делу Борисова¹.

Борисов возвратился из отпуска с опозданием на 11 дней и заявил, что он болел во время отпуска, о чем представил справку о болезни, которую, по его словам, ему выдали вместо бюллетеня.

Суд признал показания Борисова не заслуживающими внимания и справку о его болезни даже не приобщил к делу, формально ссылаясь на то, что единственным документом о временной нетрудоспособности застрахованного является бюллетень.

Согласно инструкции ВЦСПС и Наркомздрава СССР от 31 июля 1937 г., утвержденной СНК СССР 14 августа 1937 г. «О порядке выдачи застрахованным больничных листов»², временная нетрудоспособность застрахованного удостоверяется только больничным листком и выдача застрахованным других удостоверений и справок о временной нетрудоспособности, за исключением особо указанных случаев, запрещена. Однако это не освобождает суд от обязанности при разрешении вопроса об уважительности совершенного прогула проверить ссылку обвиняемого на болезнь, хотя бы при отсутствии больничного листка.

УПК РСФСР и других союзных республик в соответствующих статьях предусматривают то положение, что суд не ограничен никакими формальными доказательствами и по

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. IV (XXVIII) за 1946 г., изд. 1946, стр. 20.

² Сб. «Медицинская экспертиза временной нетрудоспособности», Юриздат, М., 1944, стр. 3.

обстоятельствам от него зависит допустить те или иные доказательства.

Нельзя также рассматривать как прогул без уважительных причин неявку на работу вследствие задержания органами власти, если при задержании лицо не находилось в состоянии прогула¹.

Большой интерес в этом смысле представляет подробно мотивированное определение по делу Шушаркина.

«Задержание органами власти является обстоятельством, освобождающим задержанного от ответственности за неявку на работу, вызванную задержанием его, и ответственность он несет лишь за те действия, которые вызвали его задержание, потому что вина, умышленная или неосторожная, как правило, относится лишь к действиям данного лица, повлекшим его задержание, а не к прогулу, явившемуся следствием задержания. Если он действовал с умыслом, то умысел его, как правило, направлен на совершение тех действий, которые вызвали задержание его, а не на совершение прогула. О неосторожной же вине в отношении прогула при данных условиях не может быть и речи, так как нельзя считать, что задержанный должен был предвидеть задержание его».

«Поэтому вопрос об ответственности за прогул, совершенный в связи с задержанием органами власти, независимо от других обстоятельств, мог бы стоять только в том исключительном случае, если бы было установлено, что данное лицо совершило те действия, которые вызвали его задержание, для того именно, чтобы добиться задержания с целью совершения таким путем прогула».

«Но ответственность за прогул наступает независимо от задержания в том случае, когда установлено, что данное лицо было задержано уже в состоянии прогула без уважительных причин, в частности, в том случае, когда оно было задержано в состоянии опьянения, появление в котором на работе приравнивается к прогулу без уважительных причин (ст. 26 Типовых правил внутреннего распорядка, утвержденных СНК СССР 18 января 1941 г.)».

В руководящем постановлении Пленума Верховного суда СССР от 22 октября 1942 г. указывается, что некоторые судьи еще не усвоили того, что в соответствии с Основными началами советского уголовного законодательства на преступление, предусмотренное ст. 5 ч. 2 Указа от 26 июня 1940 г., как и на любое иное преступление, распространяются правила об условиях освобождения лица от уголовной ответственности за совершенное правонарушение, в частности, при

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. V (XXI) за 1945 г., стр. 19 — Определение по делу Шушаркина от 3 марта 1945 г.

наличии непреодолимой силы или крайней необходимости (ст. 13 ч. 2. УК РСФСР). Результатом неусвоения некоторыми судьями этих положений Основных начал является неправильное осуждение по ст. 5 ч. 2 Указа лиц, которые совершали прогул, находясь в состоянии крайней необходимости.

Так например, Гаспаров был признан виновным в том, что он отлучился с работы на 30 минут без уважительных причин.

Из материалов дела видно, что причиной отлучки Гаспарова явилось стихийное бедствие. Вследствие разразившейся сильной вихревой грозы с ливнем его дому, в котором к тому же находилась одна малолетняя дочь, угрожала опасность разрушения.

Саакян, работая плановиком в совхозе № 1 Консервтреста, во время работы получила сообщение, что кто-то пустил воду на ее приусадебный участок, вследствие чего он подвергается затоплению и погибает урожай пшеницы.

Приговоры, по которым были осуждены Гаспаров и Саакян, были отменены и дела прекращены¹. В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Саакян указано, что «уход с работы был вызван необходимостью отвлечь опасность, которая угрожала ее хозяйству, а другого способа устранить эту опасность при данных обстоятельствах у нее не было».

Следует также признать, что и Аристов, осужденный за совершение прогула без уважительных причин, действовал в состоянии крайней необходимости. Аристов был признан виновным в том, что, работая в детской поликлинике в должности врача, опоздал на работу на 45 минут.

Из материалов дела видно, что Аристов, наряду с основной работой в детской поликлинике, состоял также старшим научным сотрудником Института физиотерапии и курортологии и что опоздание его на работу в детскую поликлинику было вызвано его задержкой в Институте в связи с необходимостью оказания помощи тяжело больному (Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного суда СССР, 1941, стр. 140).

С другой стороны, невыход без уважительных причин на работу в общевыходной день, который приказом директора объявлен рабочим днем, следует рассматривать как уголовно-наказуемый прогул.

По этому вопросу имеется специальное постановление Пленума Верховного суда от 10 февраля 1944 г. по делу

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. VII (XIII) за 1944 г., изд. 1945, стр. 20. Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного суда СССР, 1941, стр. 157.

Мусиенко¹, а также определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 30 марта 1946 г. по делу Саранчука².

Мусиенко был признан виновным в том, что он, являясь плотником фарфорового завода, не вышел на работу без уважительных причин.

Из материалов дела видно, что директор фарфорового завода, получив срочное оборонное задание, издал приказ об обязательной явке всех плотников на работу в общевыходной день. Мусиенко на работу не вышел, объяснив это своей усталостью.

На приговор нарсуда Прокурором СССР был принесен протест ввиду незаконности приказа директора.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР приговор по делу Мусиенко отменила и дело производством по ст. 4 п. 5. УПК РСФСР прекратила.

Пленум Верховного суда СССР указал на неправильность мотивов, положенных в основу определения Коллегии о прекращении дела.

В постановлении Пленума указывается, что, независимо от законности приказа директора, он подлежал обязательному исполнению. Рабочим и служащим не предоставлено право самовольно осуществлять свое действительное или предполагаемое право на невыход или выход на работу вопреки приказу руководителя предприятия, действия которого могут быть обжалованы в установленном законом порядке.

Рабочий Красноярского мельзавода № 1 Саранчук не выполнил приказа директора об объявлении общевыходного дня, 7 октября 1945 г., рабочим днем и объяснил это незаконностью приказа, что он не был согласован с завкомом и не был поставлен на обсуждение общего собрания рабочих и служащих.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР признала, что приказ директора мельзавода № 1 является незаконным, так как действующее законодательство о труде допускает лишь в исключительных случаях для производства непредвиденных срочных работ замену установленного дня еженедельного отдыха другим выходным днем в течение ближайшего времени, не превышающего двух недель. «Но само по себе признание распоряжения администрации предприятия незаконным не может служить основанием для освобождения рабочего или служащего, не выполнившего это распоряжение,

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. III (IX) за 1944 г., изд. 1944, стр. 5.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. IV (XXVII) за 1946 г., изд. 1947, стр. 19.

от ответственности за нарушение трудовой дисциплины, несовместимой с признанием за рабочим права по своему усмотрению выполнять или не выполнять распоряжение администрации».

Это, конечно, не исключает необходимости в каждом конкретном случае при разрешении вопроса о виновности нарушителя распоряжения принимать во внимание характер данного распоряжения и те условия, в которые обвиняемый был поставлен в связи с таким распоряжением.

Мы не ставим своей задачей дать исчерпывающий перечень всех решений Верховного суда СССР, относящихся к практике применения судами ст. 5 ч. 2 Указа от 26 июня 1940 г. Это выходит за пределы поставленных нами задач. Мы полагаем, что приведенные судебные документы достаточно полно характеризуют объективную сторону уголовно-наказуемого прогула.

Субъективная сторона состава преступления (ст. 5, ч. 2. Указа от 26 июня 1940 г.)

Прогул может быть совершен умышленно и по неосторожности.

На исключительную важность вины при решении вопроса об уголовной наказуемости за прогул указывает руководящее постановление Пленума Верховного суда СССР от 23 октября 1942 г. «О недостатках судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных Указом от 26 июня 1940 г»¹.

В этом постановлении Пленума указывается, что «не все судьи усвоили, что вопрос об уважительности или неуважительности причины прогула не может быть решен оторванно от вопроса о вине лица, совершившего прогул, что, в соответствии с Основными началами советского уголовного законодательства, это лицо несет уголовную ответственность только при наличии в его действиях умысла или неосторожности».

Субъективная сторона состава преступления, квалифицируемого по ст. 5 Указа от 26 июня 1940 г., имеет существенное значение для разграничения понятия длительного прогула и самовольного оставления работы.

Так, согласно вышеприведенному постановлению Пленума Верховного суда СССР от 22 октября 1942 г., длительная неявка работника на работу может рассматриваться как прогул лишь при установлении судом, что она не была связана с намерением оставить работу на данном предприятии или в учреждении.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. II 1942 г., изд. 1943, стр. 3.

Аналогичное указание имеется в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда по делу Шилова¹.

Шилов был осужден по ст. 5 ч. 1. Указа от 26 июня 1940 г. за самовольное оставление работы.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР приговор был изменен и действия Шилова были переквалифицированы на ст. 5, ч. 2. этого Указа ввиду того, что Шилов не имел никакого намерения оставить работу, а совершил прогул в течение 21 дня без уважительных причин, после чего вернулся к месту работы.

По делу Широкопьевой² Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указала, что суд не обосновал обвинительный приговор доказательствами вины подсудимой и вместо проверки доказательств вины и установления последней суд сослался в приговоре на то обстоятельство, что он «не нашел причин к оправданию подсудимой».

Установление вины лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за прогул, является необходимым условием для вынесения обвинительного приговора. Нельзя признать человека виновным в совершении прогула без уважительных причин, исходя лишь из одного факта отсутствия его в течение определенного времени на месте работы.

Субъектом преступления, квалифицируемого по ст. 5 ч. 2 Указа от 26 июня 1940 г., могут быть совершившие уголовно-наказуемый прогул рабочие и служащие государственных, общественных и кооперативных предприятий или учреждений.

Субъектами этого преступления могут также быть:

а) работники промысловой кооперации (постановления президиумов Всекоопромлессоюза и Всекоопромсовета, утвержденные СНК СССР 22 июля 1940 г.);

б) работники предприятий кооперации инвалидов³ (постановление президиума Всекоопинсоюза, утвержденное СНК РСФСР 17 августа 1940 г.);

в) комбайнеры, трактористы, бригадиры тракторных бригад и их помощники (Указ от 17 июля 1940 г.);

г) молодые специалисты, направленные по путевкам соответствующих ведомств на работы, — за опоздание без

¹ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного суда СССР, 1941, стр. 133.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. I (XXXV) 1947 г., стр. 27. Определение от 28 декабря 1946 г.

³ Согласно ст. 6 этого постановления президиума Всекоопинсоюза за нарушение трудовой дисциплины инвалиды 1-й и 2-й групп подвергаются взысканиям, предусмотренным уставом артели и правилами внутреннего распорядка.

уважительных причин явкой к месту работы (постановление Пленума Верховного суда СССР от 8 мая 1941 г. № 18 (5) у);
д) члены старательских уставных артелей и т. д. (приказ Наркомцветмета, утвержденный СНК СССР 9 июня 1941 г.).

§ 2. Понятие и юридический анализ самовольного ухода из государственных, кооперативных и общественных предприятий или учреждений (ст. 5 ч. 1 Указа от 26 июня 1940 г.)

Объект самовольного оставления работы идентичен объекту уголовно-наказуемого прогула.

Объективная сторона самовольного оставления работы заключается в самовольном, т. е. без разрешения администрации, оставлении работы.

К самовольному уходу приравнивается и, следовательно, квалифицируется по ст. 5 ч. 1 Указа от 26 июня 1940 г.:

а) совершение третьего прогула без уважительных причин во время отбывания наказания по совокупности за два предыдущих прогула (постановление Пленума Верховного суда СССР от 7 июля 1941 г.)¹;

б) неявка к месту работы направленного по наряду министерства трудовых резервов по окончании школы ФЗО (постановление Пленума Верховного суда СССР от 12 ноября 1942 г. по делу Глебова)²;

в) длительная неявка на работу, при установлении, что данное лицо умышленно не выходило на работу, имея намерение самовольно уйти с последней, хотя бы оно впоследствии и вернулось на работу (постановление Пленума Верховного суда СССР от 22 октября 1942 г. № 18 (м) 20(у)³;

г) невыполнение инженерами, конструкторами, техниками, чертежниками, бухгалтерами, экономистами, счетно-финансовыми и плановыми работниками, а также квалифицированными рабочими, начиная с 6-го разряда и выше, приказа народного комиссара СССР о переводе в обязательном порядке с одних предприятий или учреждений в другие (ст. 5 Указа от 19 октября 1940 г.);

д) всякое уклонение от явки молодых специалистов по нарядам подлежащего ведомства, в частности, самовольное устройство на другую работу (постановление Пленума Верховного суда СССР от 8 мая 1941 г. № 18 (5) у).

¹ Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР, 1946, стр. 37.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. III за 1943 г., стр. 6—7.

³ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. II за 1942 г., стр. 1—5.

Указом от 17 июля 1940 г. было распространено действие Указа от 26 июня 1940 г. (за исключением ст. ст. 1 и 2) на трактористов, бригадиров тракторных бригад и их помощников, работающих в МТС.

На комбайнеров, как на штатных работников МТС, действие Указа от 26 июня 1940 г. распространено полностью.

Приказом НКЮ СССР и Прокурора СССР № 72/44 от 8 мая 1941 г. по ст. 5 ч. 1 Указа от 26 июня 1940 г. надлежит привлекать:

а) трактористов, бригадиров тракторных бригад и их помощников, отпущенных директором МТС после издания Указа от 17 июля 1940 г. на работу в колхозы, членами которых они состоят, — в случае уклонения от явки на работу в МТС по истечении срока отпуска;

б) трактористов, бригадиров тракторных бригад и их помощников и комбайнеров, направленных МТС в школы механизации сельского хозяйства, но самовольно оставивших учебу и не вернувшихся на работу в МТС, откуда они были командированы;

в) окончивших курсы трактористов при МТС и школы механизации сельского хозяйства и получивших назначение на работу в качестве трактористов, бригадиров тракторных бригад и их помощников, комбайнеров, механиков — в случае их неявки на работу в ту МТС, в которую они были назначены по окончании школы или курсов.

Следует иметь в виду, что запрещен лишь самовольный уход с работы, что Указ от 26 июня 1940 г. (ст. 4) и последующие постановления СНК СССР предусматривают ряд случаев, когда работник имеет право требовать увольнения, а администрация обязана удовлетворить это требование.

Здесь имеются в виду, в частности, такие случаи:

а) когда рабочий, работница или служащий согласно заключению ВТЭК не может выполнять прежнюю работу вследствие болезни или инвалидности, а администрация не может предоставить другую подходящую работу в том же предприятии или учреждении (ст. 4 Указа от 26 июня 1940 г.);

б) когда пенсионер, которому назначена пенсия по старости, желает оставить работу (ст. 4 Указа от 26 июня 1940 г.);

в) когда работник учреждения или предприятия зачисляется в высшее или среднее специальное учебное заведение (ст. 4 Указа от 26 июня 1940 г.);

г) когда переводится муж в другую местность — в отношении жен военнослужащих (постановление СНК СССР от 11 октября 1940 г.) и в отношении жен инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих, начиная с 6-го разряда и выше, переводимых в другую местность;

д) когда члены семьи инвалида Отечественной войны (супруги, дети, родители) переезжают к месту его постоянного

жительства, или когда сам инвалид Отечественной войны переезжает к месту постоянного жительства его семьи (постановление СНК СССР от 5 октября 1945 г.);

е) когда истекает срок трудового договора и т. д.¹

Следует, однако, иметь в виду, что наличие оснований к освобождению от работы не дает права тому или иному лицу самовольно осуществлять свои права, и при отказе в освобождении от работы со стороны администрации рабочий или служащий обязан в соответствии с действующими законами обжаловать решение администрации в установленном порядке.

Это положение распространяется также и на случаи необоснованного перевода администрацией работника на иную должность, понижение в должности, использование не по специальности и т. д.

Так, например, Чулкова работала в качестве агента по снабжению в психиатрической больнице и приказом администрации она была переведена на должность санитарки.

Чулкова, будучи не согласна с переводом на другую должность, подала заявление в РКК. Однако на заседание РКК представитель администрации не явился, и заявление осталось нерассмотренным. Ввиду недопущения Чулковой к прежней работе она самостоятельно оставила работу.

Чулкова была осуждена нарсудом по ст. 5, ч. 1, Указа от 26 июня 1940 г. Определением областного суда приговор был отменен, а дело производством прекращено.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР² указала на неправильность определения облсуда ввиду того, что он ставит оценку действий Чулковой в зависимость от разрешения вопроса об основательности ее перевода на другую работу.

Между тем, независимо от правильности приказа администрации о переводе Чулковой, последняя не имела права самовольно уходить с работы, так как по смыслу Указа от 26 июня 1940 г. для ухода работника с работы недостаточно одного лишь его желания, и такой уход допускается лишь с разрешения администрации или с санкции уполномоченных органов власти.

Также неправильно толкуется некоторыми судебными работниками ст. 4 Указа от 26 июня 1940 г. относительно права расторжения трудового договора лицами, достигшими предельного возраста и имеющими право получения пенсии по старости.

Яковлев был осужден за самовольное оставление им работы на райпромкомбинате.

¹ Этот вопрос подробно освещен в статье С. Каринского, Прекращение трудовых правоотношений по инициативе работника, журнал «Социалистическая законность», № 4, 1946.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. V (XXI) за 1945 г., стр. 18.

Определением Шсковского облсуда приговор был отменен и дело производством прекращено ввиду того, что Яковлев «по своему возрасту не может являться трудоспособным и в силу Указа от 26 июня 1940 г. имеет право требовать расторжения трудового договора, администрация обязана расторгнуть таковой».

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 16 марта 1946 г.¹ указывается на ошибочность таких мотивов, так как согласно ст. 4 Указа от 26 июня 1940 г. право требовать освобождения от работы имеют пенсионеры, которым назначена пенсия по старости. Такое прямое указание закона исключает возможность распространительного толкования его в том смысле, что это право принадлежит всякому лицу, которое достигло возраста, при котором согласно законам о социальном страховании может быть возбуждено ходатайство о назначении пенсии.

В судебной практике допускаются ошибки, связанные с неправильным мнением о том, что досрочный самовольный уход работника, поступившего на временную работу, влечет иные последствия, чем самовольный уход с работы постоянного работника. А между тем, в обоих случаях наступает одинаковая ответственность.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Семика² указывается, что самовольный досрочный уход работника, поступившего на временную работу, влечет уголовную ответственность на общих основаниях.

Выше мы указывали на то, что согласно п. «б» ст. 4 Указа от 26 июня 1940 г. рабочий и служащий имеют право на освобождение от работы, а администрация обязана дать разрешение на уход рабочего и служащего с предприятия или учреждения в случае зачисления в высшее или среднее учебное заведение. Следует, однако, иметь в виду, что это не касается тех лиц, которые в силу закона обязаны проработать на государственных предприятиях в течение определенного времени. Для окончивших школы ФЗО, железнодорожные и ремесленные училища этот срок составляет четыре года (ст. 10 Указа от 2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах»), для лиц, окончивших вузы, этот срок составляет три года (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г.)³.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. IV (XXVIII) за 1946 г., изд. 1947, стр. 18.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. V (XXI) за 1945 г., стр. 18.

³ Сб. «Высшая школа», изд. ВКВШ, 1940.

В связи с этим представляет определенный интерес дело Борисовой¹.

Борисова по окончании ремесленного училища швейников поступила швеей на фабрику им. Горького, где проработала 47 дней, после чего самовольно оставила работу и поступила в 7-й класс средней школы.

Борисова была осуждена по ст. 5. ч. 1 Указа от 26 июня 1940 г. Определением Верховного суда УССР приговор был отменен и дело прекращено ввиду того, что оставление Борисовой работы связано с поступлением в среднюю школу.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 19 мая 1945 г. указывается на неправильность определения Верховного суда УССР, во-первых, ввиду того, что общая средняя школа, куда поступила на учебу Борисова, не является специальным учебным заведением; во-вторых, Борисова не имела оснований к освобождению от работы, если бы она даже поступила на учебу в специальное учебное заведение, поскольку она обязана проработать четыре года на государственных предприятиях по указанию Главного управления трудовых резервов при СНК СССР (теперь Министерство трудовых резервов СССР).

Вместе с тем, имеет место неправильное осуждение по ст. 5. ч. 1 Указа от 26 июня 1940 г. лиц, допустивших самовольный уход в состоянии крайней необходимости или по другим уважительным основаниям.

Так, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 2 января 1947 г. был отменен приговор и прекращено производство дело Батуевой. Батуева была признана виновной в том, что, работая на фабрике «Уралобувь», после декретного отпуска не вышла на работу.

Из материалов дела видно, что Батуева не вышла на работу после родов вследствие болезни ребенка, что является уважительной причиной.

Следует также иметь в виду, что лицо, уволенное на законных основаниях с работы, не обязано вернуться к месту прежней работы после отпадения этих оснований.

Так например, Арутюнян в связи с призывом в Советскую Армию от работы директора школы был освобожден и сдал дела своему заместителю. После освобождения из армии Арутюнян к старому месту работы не вернулся, за что он был осужден по Указу от 26 июня 1940 г.

Верховный суд СССР в своем определении от 23 июля 1943 г. указал, что после освобождения Арутюняна из армии,

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. II (VII) за 1944 г., 1946 г., изд. 1946, стр. 13.

он, будучи уволен из школы, мог поступить на другую работу¹.

Субъективная сторона

Лицо, самовольно оставляющее работу, действует с прямым умыслом. Содержанием умысла при этом является сознание, что он самовольно, т. е. без разрешения администрации предприятия или учреждения, оставляет работу, и желание наступления этих последствий.

Выше приводилось постановление Пленума Верховного суда СССР от 22 октября 1942 г., в котором судам указывалось на необходимость при квалификации длительной неявки работника на работу установить, каково было намерение данного лица,—либо это лицо умышленно не выходило на работу, имея намерение самовольно уйти с последней, либо эта длительная неявка работника на работу не была связана с намерением оставить работу на данном предприятии или учреждении. В зависимости от установленного последует та или иная квалификация.

Субъектом самовольного оставления работы являются рабочие и служащие государственных, общественных и кооперативных организаций и учреждений, члены промысловых артелей, члены артели инвалидов, в том числе и надомники, самовольно прекратившие работу для артелей.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. II (VII) 1944 г., стр. 17.

III. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

§ 1. Спекуляция

Верховный суд СССР большое внимание уделяет судебной практике по делам о спекуляции.

На основании обобщения решений, принятых по рассмотренным Верховным судом СССР делам о спекуляции, были даны руководящие указания судебным органам.

В руководящих постановлениях Пленума Верховного суда СССР «О судебной практике по делам о спекуляции» от 31 декабря 1938 г.¹, от 10 февраля 1940 г.² подчеркивалось, что спекуляция продолжает оставаться одним из наиболее опасных видов преступлений, подрывающих экономическую основу нашего государства и вносящих дезорганизацию в советскую торговлю.

На вопросе о спекуляции Пленум Верховного суда СССР специально остановился в руководящем постановлении от 20 сентября 1946 г. В этом постановлении попрежнему подчеркивается особая опасность спекуляции, подрывающей советскую торговлю и мешающей правильному снабжению населения продовольственными и промышленными товарами. Подчеркивается и неудовлетворительная борьба судов с этим преступлением.

Несмотря на то, что закон в качестве наказания устанавливает лишение свободы не ниже пяти лет с конфискацией имущества, суды нередко приговаривают спекулянтов к исправительно-трудовым работам или условному наказанию и не применяют конфискации в качестве дополнительного наказания. Вместе с тем, суды в ряде случаев неправильно квалифицируют действия спекулянтов по ст. 105 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик. По делам о спекуляции не исследуется вопрос об источниках приобретения спекулянтами перепродаваемых ими товаров, хотя эти товары, как правило, приобретаются незаконным путем в государственных торговых организациях в результате злоупотреблений и хище-

¹ Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР, М., 1946, стр. 42.

² Там же, стр. 45.

ний со стороны должностных лиц, которые таким образом ускользают от ответственности.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановил дать судам следующие указания:

1. Указать судам на недопустимость квалификации действий лиц, виновных в спекуляции, вместо ст. 107 по ст. 105 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик.

Прекратить практику необоснованного применения к спекулянтам наказания в виде исправительно-трудовых работ или условного осуждения и неуклонно применять к ним предусмотренное законом дополнительное наказание в виде конфискации имущества.

2. Предложить судам при рассмотрении дел о спекуляции исследовать вопрос об источниках приобретения спекулянтами перепродаваемых ими товаров и в надлежащих случаях выносить определения о привлечении к уголовной ответственности должностных лиц торговых организаций, в отношении которых судом будут обнаружены данные о содействии ими спекулянтам.

Пункт 3 руководящего постановления о спекуляции приведен нами выше в § 3 раздела о должностных преступлениях.

Проведенная в соответствии с постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. денежная реформа и отмена карточек на продовольственные и промышленные товары нанесла серьезный удар по спекулятивным элементам, которые воспользовались наличием большого разрыва между государственными и рыночными ценами, а также хождением фальшивых денег для накопления в больших размерах в целях наживы за счет населения.

Однако следует иметь в виду, что и в настоящее время борьба со спекуляцией не теряет своей остроты, так как спекулятивные элементы пытаются скупать в больших размерах особенно промышленные товары для перепродажи в целях наживы.

Как сообщает газета «Московский большевик» от 19 декабря 1947 г. № 297, Московский городской прокуратурой задержана группа спекулянтов, занимавшихся скупкой в магазинах и последующей перепродажей на рынках промтоваров.

В приведенных руководящих судебных документах указывается на применение судами мягких мер наказания, неприменение конфискации имущества в виде дополнительного наказания и ряд случаев неправильной квалификации спекуляции по ст. 105 РСФСР, предусматривающей нарушение правил торговли.

В качестве серьезного недостатка в работе судебных органов по делам о спекуляции, как указывается в постановлениях Пленума, является то, что суды при рассмотрении этих дел не исследуют вопроса об источниках приобретения спе-

кулянтами перепродаваемых ими товаров, хотя эти товары, как правило, приобретаются незаконным путем в торговых организациях в результате злоупотреблений и хищений со стороны должностных лиц, которые таким образом ускользают от ответственности.

Следует указать, что одной из причин допускаемых в судебной практике ошибок при рассмотрении этих дел является недостаточное уяснение некоторыми судебными работниками не только политической важности искоренения спекуляции, но даже существа самого состава спекуляции.

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1932 г. «О борьбе со спекуляцией» в ст. 107 УК РСФСР понятие спекуляции сформулировано как скупка и перепродажа частными лицам в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления.

Таким образом, существо спекуляции заключается в скупке-перепродаже в целях наживы.

Спекулянты в своей преступной деятельности пытаются всячески изворачиваться, маскироваться, дабы ускользнуть из рук советского правосудия. Скупка в целях перепродажи представляется как приобретение продуктов и товаров для личных нужд, для соседей или сослуживцев, некоторые преступники мошенническим путем получают из отдельных колхозов, промысловых артелей доверенности для получения крайне необходимых для производства предметов с их последующей продажей по повышенным ценам, производится обмен промтоваров на сельскохозяйственные продукты, якобы для личных нужд, которые затем продаются по повышенным ценам и т. д.

Несмотря на очень ясную и четкую редакцию ст. 107 УК РСФСР, суды допускают ряд ошибок в квалификации этих преступников.

Так, вследствие некритического отношения суда к показаниям обвиняемых в спекуляции о мотивах покупки и продажи обнаруженных у них товаров их действия получают неправильную квалификацию, и спекулянты отделяются легким наказанием.

Например, народный суд 3-го участка Кировского района г. Чкалова осудил по ст. 105 УК РСФСР к одному году исправтруда работ Минцберга, который после освобождения из мест заключения разъезжал по различным городам и занимался спекуляцией. Минцберг закупил в гг. Коканде и Андижане 400 стаканов табаку-махорки, 15 пачек турецкого табаку, 15 флаконов духов, 14 карманных зеркал и большое количество курительной бумаги, которые привез в г. Чкалов и продавал по спекулятивным ценам.

Нарсуд мотивировал квалификацию действий Минцберга по ст. 105 УК тем, что «все привезенные и проданные им предметы были приобретены не для спекуляции, а в подарок товарищам».

Определением Коллегии Верховного суда¹ приговор нарсуда был отменен и дело направлено на новое рассмотрение по признакам ст. 107 УК РСФСР.

Народным судом Белоярского района была осуждена по ст. 107 УК РСФСР Старицына².

Прокурором СССР был принесен протест на приговор нарсуда на предмет переквалификации действий Старицыной на ст. 105 УК РСФСР ввиду того, что, сбывая промтовары, осужденная преследовала одну цель — приобретение для себя продуктов питания.

Протест Прокурора СССР был отклонен ввиду того, что материалами дела установлено, что Старицына неоднократно привозила из Свердловска майки, чулки, тюль и другие промтовары и продавала их в деревнях по спекулятивным ценам. Отдельные же факты обмена промтоваров на сельскохозяйственные продукты не могут служить основанием, оправдывающим Старицыну (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 3 марта 1943 г.).

Некоторые суды совершенно неправильно считают, что обвинение в спекуляции является неосновательным, если не установлено фактов перепродажи купленных товаров, хотя по делу собрано достаточно данных, свидетельствующих о хранении этих товаров с целью перепродажи (дело Лаптер, постановление Пленума от 8 августа 1940 г.³).

Неправильным также является практика некоторых судов, когда они квалифицируют по ст. 105 УК (а не по ст. 107 УК) случаи обмена закупленных промтоваров на продукты потребления с целью наживы, причем, применяя ст. 105 УК, не указывают, в чем же конкретно заключается нарушение правил торговли.

Так например, Славко и Степанов по договоренности между собой в течение августа — сентября 1943 г. скупали в Москве в большом количестве писчую бумагу и мешковину и возили в Серебряно-Прудский район, где они с целью наживы обменивали на хлеб. За указанные действия они были осуждены по ст. 107 УК РСФСР. Однако, определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР действия Степанова и Славко были переквалифицированы на ст. 105 ч. 1 УК РСФСР ввиду того, что по делу не уста-

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. I за 1942 г., изд. 1943, стр. 12.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. VI за 1943 г., изд. 1944, стр. 6.

³ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного суда СССР за 1940 г., изд. 1941, стр. 88.

новлено, что осужденные перепродавали хлеб по повышенным ценам и что их объяснение о том, что хлеб приобретался для своих семей, по делу не опровергнуто.

Пленум Верховного суда СССР (постановление от 12 января 1945 г.¹) отменил это определение как неправильное и указал на следующие допущенные ошибки:

1. Коллегия Верховного суда СССР, признав, что покупка писчей бумаги без соответствующих нарядов является нарушением правил советской торговли, не указала, в чем именно заключается это нарушение. А между тем из ст. 105 УК РСФСР видно, что она преследует не за нарушение правил покупки, а за нарушение правил торговли; поэтому покупка каких-либо предметов, продажа которых обусловлена известными правилами, если по делу установлено, что эта покупка произведена с нарушением этих правил, может повлечь за собой ответственность по ст. 105 УК РСФСР в первую очередь лиц, продавших эти предметы с нарушением установленных правил; лица, которые приобрели эти предметы, могут быть привлечены лишь как соучастники по этой статье УК.

В данном же случае Коллегия признала Славко и Степанова в качестве исполнителей преступления и совершенно обошла вопрос о лицах, продавших бумагу с нарушением установленных правил. Таким образом, Коллегия в этой части неправильно применила ст. 105 УК РСФСР.

2. Независимо от указанного, Коллегия неосновательно отказалась в данном случае от применения ст. 107 УК РСФСР. Коллегия выдвинула общее положение о том, что покупка предметов с целью их обмена на другие предметы не может квалифицироваться как спекуляция. Это положение является неправильным. Если по делу установлено, что обмен закупленных предметов на другие предметы потребления преследовал цель наживы, эти действия равным образом дают основание квалифицировать их как спекуляцию.

В данном же конкретном случае количество и ассортимент приобретенных осужденными товаров давал основание прийти к выводу, что они были приобретены для последующей перепродажи и обмена с целью наживы, что, в частности, подтверждается и количеством обнаруженного у обвиняемого хлеба, приобретенного в обмен на закупленную бумагу.

Постановление Пленума по делу Славко и Степанова представляет для нас интерес и по второму преступлению, совершенному осужденными, — тоже спекуляция, но в еще более замаскированной форме.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. I (XVII) за 1945 г., изд. 1946, стр. 5.

Славко и Степанов использовали доверенности колхозов для получения по ним по государственной цене на складе областной конторы сельскохозяйственного инвентаря с последующим обменом сельскохозяйственного инвентаря в колхозах на рожь и пшеницу, всего 694 кг.

Судебная коллегия Верховного суда СССР не усмотрела в этих действиях вообще никакого состава преступления.

Пленум же Верховного суда признал эту точку зрения неправильной и противоречащей обстоятельствам дела.

Из материалов дела видно, что использовав доверенности колхозов, предоставившие осужденным возможность приобретения сельскохозяйственного инвентаря в государственном учреждении по государственным ценам, осужденные затем перепродали этот инвентарь по повышенным ценам в обмен на хлеб, получив таким образом значительную прибыль.

При таких обстоятельствах, указывается в постановлении Пленума, приобретение указанного инвентаря по доверенности колхозов не только не устраняет виновность их в спекуляции, поскольку они продали закупленный ими инвентарь со значительной прибылью, но что действия их в данном случае отягощены еще наличием мошенничества, так как извлечение ими прибыли сопровождалось как обманом колхозов, так и обманом того государственного учреждения, где они по доверенности колхозов приобретали этот инвентарь. Поэтому по данному эпизоду имелись все основания применить к Славко и Степанову не только ст. 107, но и ст. 169 ч. 2 УК РСФСР.

Иногда спекуляция маскируется кустарным промыслом.

Так например, Динабург, получив регистрационное удостоверение на изготовление обуви, организовал группу сапожников для изготовления дамской обуви, снабжая их кожей, которую закупал в разных городах СССР, а затем скупал у сапожников обувь и перепродавал на рынке, извлекая при этом прибыль.

Действия Динабург были квалифицированы по ст. 129 УК УССР (занятие воспрещенным промыслом).

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР¹ приговор по делу Динабург был отменен и дело направлено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия по признакам ст. 127 УК УССР (спекуляция).

Наряду с необоснованным осуждением спекулянтов по статьям УК, предусматривающим нарушение правил торговли, в судебной практике имеют место неосновательные

¹ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного суда СССР за 1940 г., изд. 1941, стр. 190.

осуждения лиц, невиновных в спекуляции, по ст. 107 УК РСФСР.

Как спекуляция квалифицируются случаи покупки и перепродажи, лишенной цели наживы, покупку товаров по просьбе третьих лиц на средства последних, продажа собственных вещей без цели наживы, покупка тех или иных предметов для личного потребления, продажа с надбавкой, компенсирующей стоимость дополнительных материалов и общественно-полезный труд продавца, затраченный последним для приспособления продаваемой вещи в интересах покупателя, и т. д.

Неправильно был осужден по ст. 107 УК РСФСР электромертер Губин¹, признанный виновным в том, что он скупил в магазинах Электросбыта в Москве 7 электросчетчиков по цене от 82 до 150 руб. за каждый и перепродал их по спекулятивным ценам от 150 до 375 руб.

Из материалов дела видно, что Губин счетчики не перепродавал, а принимал заказы на установку их за свой счет. В полученную с заказчиков сумму входит не только стоимость счетчика, но и стоимость материалов, необходимых для установки, и стоимость работы по установке.

Установлено также, что электросчетчики приобретались Губиным также и на рынке, стоимостью в 250 руб. каждый. Что же касается вопросов стоимости электропроводов и других материалов, а также и работы по установке, то их суд не исследовал.

Поэтому указание суда о наживе Губиным 100 руб. от каждого счетчика является неправильным. При таких обстоятельствах вину Губина в спекуляции нельзя признать обоснованной.

Также неправильно были осуждены Малаховы по ст. 107 УК РСФСР по обвинению в скупке и перепродаже сельскохозяйственных продуктов.

Малаховы обвинялись в том, что они произвели обмен 8 кг соли* на 32 кг муки, затем 8 кг соли на 54 кг муки, 2 кг соли на 32 кг картофеля и т. д.

Определением Коллегии Верховного суда СССР от 12 января 1944 г. приговор по делу отменен с прекращением дела за отсутствием состава преступления, ввиду того, что имевшуюся у Малаховых соль они приобрели раньше для нужд своего хозяйства, а затем обменяли на продукты питания. При этих обстоятельствах нельзя действия Малаховых рассматривать как спекуляцию, так как цели наживы в их действиях отсутствуют.

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. III за 1943 г., изд. 1943, стр. 11 — Определение Судебной коллегии Верховного суда СССР от 12 ноября 1942 г.

Аналогичная ошибка допущена по делу Харисовой, осужденной по ст. 107 УК РСФСР по обвинению в спекуляции.

Харисова продала галоши за 900 руб., мужскую рубашку за 750 руб. и две простыни за 1500 руб.

Из материалов дела видно, что Харисова продала свои поношенные вещи и на вырученные деньги покупала продукты питания для семьи.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 10 октября 1945 г.¹ приговор был отменен и дело прекращено ввиду отсутствия в деле данных, что эти вещи приобретались Харисовой для перепродажи с целью наживы².

Об участии в спекуляции должностных лиц—см. выше § 3.

§ 2. Обмеривание и обвешивание (ст. 128-в УК РСФСР)

Преступление, квалифицируемое по ст. 128-в УК РСФСР и заключающееся в частности в нарушении розничных цен, предполагает обворовывание потребителя, т. е. сокрытие от потребителя цены, предусмотренной прейскурантом.

Заведомая же для потребителя продажа по завышенным ценам товара, на который потребитель к тому же не имел права, должна квалифицироваться в отношении продавца как злоупотребление служебным положением.

По этому вопросу состоялось определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 16 октября 1943 г. по делу Мурадян¹.

Мурадян была осуждена по ст. 128-в УК РСФСР за то, что она, работая продавцом магазина № 21 Арменторга, нормированный хлеб продавала некоторым лицам без карточек и по завышенным ценам.

Эти действия должны быть квалифицированы по ст. 135 УК Арм. ССР (ст. 109 УК РСФСР).

Преступление, квалифицируемое по ст. 128-в УК РСФСР и заключающееся в превышении цен, предполагает, что эти действия совершены в отношении потребителей, поэтому превышение цен при взаимных расчетах между торгующими организациями не может квалифицироваться по этой статье (определение Судебной коллегии по уголов-

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. I (XXV) за 1946 г., изд. 1947, стр. 22.

² Вопросы соучастия в спекуляции освещаются в статье проф. Н. Дурманова, Вопросы соучастия в судебной практике Верховного суда СССР, журнал «Социалистическая законность», № 8, 1947, стр. 20.

³ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. II (VII) за 1944 г., изд. 1944, стр. 14.

ным делам Верховного суда СССР от 11 октября 1941 г. по делу Пахобова)¹.

Преступление, квалифицируемое по ст. 128-в УК РСФСР и заключающееся в обвешивании, предполагает умышленное действие; пользование продавцом ненадлежащими весами, лишенное умысла на обман потребителя, не содержит в себе состава ст. 128-в УК РСФСР и подлежит квалификации по ст. 105, ч. 1 УК РСФСР (определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 24 марта 1943 г. по делу Минаева)².

Весьма существенным является решение вопроса о том, является ли обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 128-в УК РСФСР, корыстная заинтересованность обвиняемого, т. е. незаконное обращение в свою пользу ценностей, полученных в результате обмеривания, обвешивания или превышения цен.

Авторы учебника Особенной части уголовного права для юридических институтов и факультетов³ категорически придерживаются того взгляда, что корыстная заинтересованность обвиняемого является обязательным признаком преступления, предусмотренного ст. 128-в УК РСФСР. Авторы утверждают, что при отсутствии этих признаков отпадает один из элементов, образующих данный состав преступления. При этом делается ссылка на определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 19 мая 1943 г. по делу Григорьева⁴.

Григорьев обвинялся в том, что он, будучи завхозом института, дал распоряжение заведующему буфетом продать 3 500 шт. мандаринов по 2 руб. за штуку вместо государственной цены по 40 коп. за штуку. Григорьев показал, что давая распоряжение о продаже мандаринов по повышенной цене, он не руководствовался корыстными соображениями, а имел в виду таким путем покрыть предполагаемый убыток от порчи части мандаринов.

Из дела видно, что Григорьев не присвоил разницы в цене и что вся сумма, вырученная за мандарины, была соответствующим образом оприходована.

В определении Судебной коллегии Верховного суда СССР по этому делу указано, что ст. 128-в УК РСФСР по данному делу применена неправильно, так как из содержания этой статьи видно, что она превышает цен, обвешивание и другие

¹ Сборник постановлений и определений Коллегии Верховного суда Союза ССР за 1941 г., М., 1947, стр. 71.

² Судебная практика Верховного суда СССР, вып. VI за 1943 г., изд. 1944, стр. 8.

³ Уголовное право, Особенная часть, изд. 3-е, 1943, стр. 352 (автором этого раздела является проф. А. Н. Трайнин).

⁴ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. VI (XXII) за 1944 г., М., 1944, стр. 13.

указанные в ней действия рассматривает и карает как обворовывание потребителя и обман государства. «Отсюда следует, — указывается в определении, — что для квалификации по ст. 128-в УК РСФСР необходимо, чтобы действия, указанные в этой статье, сопровождалось обязательным признаком, выражающимся в корыстной заинтересованности обвиняемого, т. е. в незаконном обращении в свою пользу или в покушении на такое обращение разницы в денежных суммах или одного имущества, образовавшейся в результате превышения цен или других действий, предусмотренных ст. 128-в УК РСФСР. При отсутствии этих признаков отпадает один из элементов, образующих данный состав преступления, т. е. обворовывание потребителя, а самые действия, хотя бы они объективно и выражались в превышении цен, не могут квалифицироваться по ст. 128-в УК РСФСР.

Авторы Учебника уголовного права для юридических школ,¹ вышедшего в конце 1947 г., указывают, что виновный в совершении преступления, предусмотренного ст. 128-в УК «обычно действует с корыстной целью» (стр. 273—274). Авторы же Комментария Уголовного кодекса РСФСР² утверждают, что для состава этого преступления не имеет значения цель, которую преследовал виновный, обмеривая или обвешивая покупателей, в частности, преследовал ли он корыстную цель, хотя корыстная цель обычно сопутствует обмериванию или обвешиванию.

Авторы Комментария УК РСФСР указывают, что если, например, в магазине не по вине продавцов образовалась недостача сахара и продавцы в целях покрытия образовавшейся не по их вине недостачи обвешивают покупателей, то они все же должны отвечать по ст. 128-в. При этом делается ссылка на указание Верховного суда («Советская юстиция», 1937, № 14), что «обворовывание потребителя карается не только тогда, когда оно совершается в интересах личного обогащения».

Нам представляется, что точка зрения авторов Комментария УК РСФСР является наиболее правильной.

Преступление, предусмотренное ст. 128-в УК РСФСР, обычно совершается из-за корыстной заинтересованности, из-за корыстной цели. Однако корыстная заинтересованность, т. е. незаконное обращение в свою пользу ценностей, образовавшихся в результате обмеривания, обвешивания или превышения цен, не является конститутивным признаком указанного преступления.

¹ Уголовное право, учебник для юридических школ, М., 1947, стр. 273 (автором этого раздела является проф. В. Д. Меньшагин).

² А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская, Уголовный кодекс РСФСР, Комментарий, изд. 2-е, 1946, стр. 177.

Уголовная ответственность за превышение цен, обмеривание или обвешивание покупателей может наступить и при отсутствии у виновных цели личной наживы.

В подкрепление этой точки зрения можно привести определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР сравнительно недавнего времени (от 14 декабря 1946 г)¹.

Председатель потребительского кооператива Р., обвинявшийся в незаконном повышении розничной цены на соль, был народным судом оправдан по ст. 128-в УК РСФСР по тем мотивам, что он не преследовал цели личного обогащения, а действовал, руководствуясь исключительно интересами кооператива.

Генеральный прокурор СССР в своем протесте указал, что для наличия состава преступления, предусмотренного ст. 128-в УК РСФСР, как это явствует из диспозиции этой статьи, безразлично, по каким мотивам был совершен обман покупателя. Поэтому обворовывание потребителя должно караться и тогда, когда это преступление совершается не в целях личного обогащения. В этом случае отсутствие корыстных мотивов может быть учтено при определении меры наказания, но не влиять на квалификацию преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР согласилась с доводами протеста и отменила оправдательный приговор по делу Р.

§ 3. Выпуск недоброкачественной продукции (ст. 128-а РСФСР)

Указом от 10 июля 1940 г. расценивается как противогосударственное явление, равносильное вредительству, выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и выпуск продукции с нарушением стандартов.

По Указу от 10 июля несут уголовную ответственность лишь лица, строго указанные в Указе, — директора, главные инженеры и начальники отделов технического контроля промышленных предприятий.

Несмотря на исключительное политическое и народнохозяйственное значение Указа от 10 июля 1940 г., некоторые суды при рассмотрении дел этой категории допускают серьезные ошибки.

Некоторые суды совершенно неосновательно связывают выпуск недоброкачественной продукции с причинами, повлиявшими на изготовление такой продукции, в то время как по Указу карается не изготовление, а выпуск или предъявление к выпуску из предприятия недоброкачественной продукции.

¹ Журнал «Социалистическая законность», № 3, 1947, стр. 24.

Некоторые суды связывают ответственность предусмотренных Указом должностных лиц с их производственным стажем или продолжительностью пребывания в должности, в то время как эти обстоятельства не могут влиять на квалификацию преступления.

Некоторые суды произвольно расширяют признаки преступления, определяющие его квалификацию по Указу от 10 июля 1940 г., требованием определения размера причиненного ущерба, или связывают выпуск недоброкачественной продукции с производственными причинами, которые породили неудовлетворительное качество продукции.

Это можно проиллюстрировать следующими примерами.

Директор хлебопекарни Гусев был признан виновным в выпуске недоброкачественного хлеба в общей сложности около 23 т, за что был осужден по Указу от 10 июля 1940 г.

Определением Коллегии Верховного суда РСФСР действия Гусева были переквалифицированы на ст. 111 УК РСФСР ввиду того, что Гусев недавно работает в должности директора и что недоброкачественный выпуск хлеба был обусловлен плохим качеством зерна.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР¹ указала на неправильность доводов, послуживших основанием к переквалификации действий Гусева, так как:

1) Производственный стаж Гусева и непродолжительность его пребывания в должности директора не могут служить основанием для изменения квалификации преступления, если это преступление доказано материалами дела.

2) Коллегия неосновательно приводит обстоятельства, послужившие к выпуску недоброкачественного хлеба, так как Указ от 10 июля 1940 г. карает не за недоброкачественное производство, а за выпуск недоброкачественной продукции за пределы предприятия.

Аналогичного характера является дело Ярина и Чеховского, оправданных Сталинским облсудом по Указу от 10 июля 1940 г.

Ярин, заведующий шахтой, и Чеховский, главный инженер, были преданы суду за систематическое нарушение установленных стандартов угля.

Для снижения зольности обвиняемым следовало производить выемку угля отдельно от земляка; для перехода на новую организацию работы потребовалось всего пять дней; однако обвиняемые этого не сделали.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР² по этому делу указывается на то,

¹ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного суда СССР за 1940 г., изд. 1941, стр. 165.

² Там же, стр. 162.

что суд, сосредоточив основное внимание на изучении причин добычи недоброкачественного угля, в то же время упустил из виду основное обвинение Чеховского и Ярина, заключающееся в выпуске этого угля. Если даже и допустить, что недоброкачественный уголь был добыт по причинам, независящим от обвиняемых, то и тогда ответственность с них за выпуск недоброкачественного угля не может быть снята.

Технорук и врид директора госшвейфабрики Шацев допустил изготовление и выпуск с фабрики недоброкачественной и нестандартной продукции, сданной базе швейсбыта. Швейсбытом забраковано и возвращено швейной фабрике: брюк — 118, курток — 112, платьев — 28 и капотов — 17.

Кроме того, из выпущенных фабрикой по спецзаказу 1 650 штук кальсон признано доброкачественными только 600 штук.

Верховный суд Таджикской ССР в определении о направлении дела на следствие указал следующее:

1) по делу не выяснено, сколько фабрика потерпела убытка от брака по выпущенной продукции;

2) принята ли заказчиком изготовленная продукция по спецзаказу, поскольку она находится на складе фабрики;

3) имелся ли на фабрике специальный материал для выполнения спецзаказа, так как из дела видно, что он выполнялся не из предназначенного материала;

4) нужно установить, когда производилось выполнение заказа — если в момент освоения производства, то это обстоятельство должно исключить ответственность Шацева за выпуск недоброкачественной продукции.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР¹ указано, что требование установить сумму убытка фабрики, причиненного выпуском недоброкачественной продукции, противоречит смыслу Указа от 10 июля 1940 г., поскольку Указ не предъявляет такого требования, а предусматривает прямую ответственность исключительно за выпуск недоброкачественной продукции.

Это требование произвольно расширяет признаки преступления, определяющие его квалификацию по Указу от 10 июля 1940 г.

Факт выпуска недоброкачественной продукции по делу доказан и возвращение дела на следствие является неосновательным.

С другой стороны, установлен также ряд фактов неправильного применения Указа от 10 июля 1940 г. к лицам, не предусмотренным Указом, или в случаях производства недоброкачественной продукции, но не выпущенной (т. е. не

¹ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного суда СССР за 1940 г., изд. 1941, стр. 167.

сданной заказчику) или окончательно не предназначенной к выпуску.

Ответственность по Указу от 10 июля 1940 г. распространяется только на лиц, предусмотренных этим Указом, который не подлежит распространительному толкованию.

Цыбин был признан виновным в том, что он, работая ветврачом на Вологодском мясокомбинате, выдал заведующему складом Цивелеву удостоверение на отправку в Ленинград 36 964 кг мясопродуктов, часть которых (в количестве 980 кг) по прибытии в Ленинград была признана недоброкачественной.

Цыбин и Цивелев неправильно были преданы суду по Указу от 10 июля 1940 г., поскольку они не принадлежали к числу лиц, организующих технический процесс производства. Цыбин мог бы быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 111 УК¹.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР² был отменен приговор по делу Куртова, осужденного по Указу от 10 июля 1940 г. за то, что, он работая мастером-лаборантом маслозавода, выпустил 179 кг сливочного масла с нарушением установленного стандарта (с пониженной жирностью).

Куртов по занимаемой должности не может быть субъектом преступления, предусмотренного Указом от 10 июля 1940 г.

Директор мастерских ширпотреба Громов, технорук Бульванкер и бригадир штамповочной мастерской Томчин³ были осуждены по Указу от 10 июля за то, что они выпустили 9 000 штук суповых различных ложек, которые не удовлетворяли требованиям стандарта и были забракованы как недоброкачественные.

Действия Томчина были переквалифицированы по ст. 111 УК РСФСР.

В тех случаях, когда выпуск недоброкачественной продукции вызван плохим качеством сырья заказчика, для которого продукция изготовлена, действия виновного не могут квалифицироваться по Указу от 10 июля 1940 г.

Заведующий производством пекарни № 1 Богданов был признан виновным в выпуске недоброкачественного хлеба.

Материалами дела установлено, что хлеб выпекался из муки заказчика, и дефекты, обнаруженные в хлебе, были обусловлены исключительно качеством муки.

Богданов по халатности не проверил качество муки и пустил ее в производство.

¹ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного суда СССР за 1941 г., изд. 1947, стр. 58.

² Там же, за 1940 г., изд. 1941, стр. 167.

³ Там же, стр. 168.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР¹ указала на то, что действия Богданова подлежат квалификации по ст. 111 УК.

Следует, однако, иметь в виду, что отсутствие основания для привлечения к ответственности по Указу от 10 июля 1940 г. само по себе не исключает в ряде случаев ответственности по соответствующим статьям УК о должностных и иных преступлениях.

Так, например, начальник производственного отдела Зорин был привлечен к уголовной ответственности за внутрисекторный брак.

Верховный суд Казахской ССР, правильно не усматривая в действиях Зорина признаков Указа от 10 июля 1940 г., изменил приговор Актюбинского облсуда по этому делу и дело производством прекратил.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР² указала на неосновательность прекращения дела ввиду наличия в действиях Зорина состава преступления, предусмотренного ст. 111 УК РСФСР.

¹ Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного суда СССР за 1941 г., изд. 1947, стр. 69.

² Сборник постановлений Пленума и определений Коллегии Верховного суда СССР за 1940 г., изд. 1941, стр. 170.